

Георгий КУЗНЕЦОВ

Когда высохнут зонты

Георгий Кузнецов

Когда высохнут зонты

<https://litres.ru/74397149>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автор книг «Ромашка на баобабе» про Африку, «Ромашка цвета бордо» о мире франкофонии, «Страна со вкусом карри», рассказывающей об Индии, приглашает посетить Бельгию, показывает, что эта скептическая и совсем не сентиментальная страна может оказаться не столь унылой и скучной. Это сборник историй, которые вы точно не найдёте в туристических справочниках. Живые и ироничные зарисовки без глянца и стереотипов. С лёгкой иронией повествуется о повседневной жизни бельгийцев, раскрываются неожиданные её стороны и нюансы, а также повсеместно находятся удивительные и порой весьма неожиданные сопряжения с российской историей.

Содержание

Предисловие	5
База	10
Ассоциации	15
БЕЛЬГИЯ ГЛАЗАМИ ДИПЛОМАТА	21
Первое знакомство	22
Едем в Бельгию	28
Зеекраббе	37
Лебеди	54
Лисы	61
Подбрюшье Европы	65
Начало	70
Работа	75
Сайт и соцсети	89
Выступления	93
Конец Чеснокова	105
Людской материал	109
Делегации	114
Мальчик	124
Виконт де Винне	130
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Георгий Кузнецов

Когда высохнут зонты

Георгий КУЗНЕЦОВ

«Когда высохнут зонты»
или Бельгия плачет дождём

Посвящается Рите,

без которой моя Бельгия была бы совсем другой

Horum omnium fortissimi sunt Belgae
(Из всех них [галлов] самые сильные – бельгийцы)

Юлий Цезарь

«Записки о галльской войне», книга 1, раздел 1

Чужую страну можно любить,

но не влюбляться в неё.

Артём Вартамян

Предисловие

Мне так и не довелось поработать во Франции, о которой мечтал во время усиленного изучения французского языка в университете и, что уж греха таить, втайне надеялся. Зато через три года после африканского Сенегала в моей жизни возникла другая, доселе не слишком мне знакомая, чуть менее чарующая и элегантная, но по-своему прекрасная франкоязычная держава – Бельгия.

Длился мой роман с этой страной долгие шесть лет, что вполне должно было потянуть на многотомник в стиле «Войны и мир» Льва Николаевича Толстого. Именно подобным образом я рассуждал, вынашивая очередные литературные планы, пока не сел за компьютер. Никогда не думал, что именно произведение про Бельгию будет даваться мне с таким трудом. Вроде бы провёл я там довольно значительную часть своей жизни, гораздо больше, чем во Франции, Индии или Сенегале, книги про которые написаны и многими прочитаны. Однако вспомнить особенно нечего. Вернее, воспоминания в голове, безусловно, присутствуют, ибо склерозом пока не страдаю, но командировка прошла настолько гладко и штатно, показалась столь прекрасной своей предсказуемостью и размеренностью, что, полагаю, такого спокойного течения жизни у меня никогда до этого не было и, возможно, никогда больше не будет. Это вовсе не означает, что

я отлынивал от работы или она отсутствовала. Производственный процесс в российских посольствах не останавливается ни на миг. Даже если поводов немного, начальство непременно что-нибудь придумает для анимации творческого процесса подчинённых.

Мне было просто писать «Ромашку на баобабе», вновь погружаясь в африканские реалии. Сравнительно легко далась «Страна со вкусом карри», сюжет которой пришлось выуживать из глубин памяти 30-летней давности. Весело и непринуждённо писалась книга «Ромашка цвета бордо» про французский язык. Но Бельгия... Это скорее своеобразная квинтэссенция размеренности, спокойствия, скуки и уныния, скептическая и совсем не сентиментальная страна, в которой мало яркого и действительно праздничного. Сие вовсе не означает, что Бельгию нельзя полюбить, но она относится к категории тихого семейного союза, когда всё комфортно и устраивает. Здесь нет места итальянской страсти, южному темпераменту, феерии красок и эмоций. Виной ли тому специфический, промозглый, «подмоченный» климат и плоскость местности, «подторможенные» жители или нечто иное? Постараемся вместе неспешно, как здесь и положено, разобраться во всех нюансах бельгийского бытия.

Честно признаюсь, мне довольно непросто оставаться объективным в отношении этой страны: Бельгия навсегда вошла в моё сердце, не только сформировав массу пёстрых и разноплановых воспоминаний, но и став родиной для двух

из трёх моих дочерей, Анжелики и Эмили, за что я ей и, конечно же, жене Рите безмерно благодарен. Все остальные перипетии взаимоотношений с бельгийским государством не столь безоговорочно восхитительны и изобилуют разнообразными, не всегда приятными «изюминками», о которых хотелось бы поведать широкому читателю.

Дабы хоть как-то структурировать бельгийские впечатления и не превращать их в кашу, решил разделить книгу на три части. Выделил три аспекта, которые, как мне кажется, в моём случае в наибольшей степени отражают разные плоскости взаимоотношений с этой страной. Они, безусловно, дополняют друг друга и навряд ли могут существовать по отдельности. Их переплетения столь затейливы и глубоки, что порой разделение весьма условное и даже искусственное.

Итак, сначала предлагаю взглянуть на Бельгию профессионально, глазами дипломата, то есть казенного человека, прибывшего в страну на чётко определённый период времени и не по зову сердца или гонимый обстоятельствами непреодолимого характера, как происходило со многими нашими соотечественниками, попадавшими сюда в различные не самые благополучные моменты истории, а с официальной миссией и статусом, накладывающим вполне конкретные обязательства и ограничения. Надеюсь убедить вас в том, что дипломаты – тоже люди, причём из категории не самых плохих, вполне честных и достойных, интересующихся и неравнодушных, сопереживающих и открытых, короче

– разных. Небольшая ода восхваления представителям этой не самой распространённой профессии. Кто-то узнает себя, иные посмеются на разными необычными ситуациями, в которые приходится попадать дипломатам в перерывах между великосветскими приёмами и встречами на высшем уровне. А заодно узнают, что перечисленные элементы вовсе не являются основной составляющей их работы. Иные задумаются о том, насколько порой тяжёл и неблагодарен сей труд. Может для отдельных читателей это станет откровением и приведёт к желанию связать свою судьбу с нашим внешнеполитическим ведомством.

Вторая предлагаемая точка обзора Бельгии – глаза туриста. Это наиболее очевидная и общедоступная позиция, сконцентрированная на внешней атрибутике. Постараюсь подсказать, что нужно увидеть в стране в первую очередь, чтобы посещение этих территорий запомнилось надолго. Расскажу о скрытых местах, тайных туристических тропах, неочевидных прелестях. На всеобъемлющий характер информации замахиваться не буду – для этого существуют специальные толстые путеводители. Тем не менее, надеюсь, что эта часть окажется не только интересной, но и полезной в практическом плане.

Третья часть посвящена попытке посмотреть на Бельгию глазами человека. Будет в ней и толика осознания того, что сам автор со временем стал немного бельгийцем, слегка обельгиелся, да позволит мне читатель вольность придумать

новый термин. Настолько, что отныне в любой непонятной ситуации прикидываюсь бельгийцем. С них, забытых и убогих, как известно, спрос небольшой.

Было бы слишком самонадеянным назвать это попыткой разгадать загадочную бельгийскую душу, тем более не факт, что таковая существует в хитросплетении разногласий между валлонами и фламандцами. Но я был вынужден настолько плотно погрузиться в частную жизнь местного населения, что осознал несколько базовых вещей. В-первых, понял, что бельгийцы сами себя регулярно удивляют и себе удивляются. Что уж говорить о других, соседях, туристах и прочих случайных людях? Потенциал в этом смысле у нации колоссальный. Во-вторых, они друг друга скорее не любят, порой до глубокой, чистой и искренней ненависти. В-третьих, бельгиец с большей долей вероятности будет стесняться своей принадлежности к стране, чем гордиться ей.

В-четвёртых... Перечислять можно долго. И видеть, ценить, уважать, восхвалять или, наоборот, осуждать и презирать в бельгийцах каждый будет своё. Я дам лишь общие направления, а выводы вы сможете сделать самостоятельные.

База

Бельгия разнородна во всём. Например, Королевство нельзя отнести к числу рьяных поборников франкофонии, ибо более 60 процентов населения относится к числу нидерландофонов (жители Фландрии), то есть говорят на нидерландском языке, однако оставшиеся 40 процентов (жители Валлонии) вполне достаточны для создания ощущения «французскости» окружения, особенно в Брюсселе, где практически все жители владеют французским. О некоторых бельгийских особенностях и реалиях я уже писал в детской книге «Вероника – маленькая бельгийка», рассказывающей о приключениях маленькой русской девочки, которая пошла в местный детский сад и изучала там язык «с нуля». В основе произведения воспоминания и ощущения моей старшей дочери Вероники, которая лично прошла через подобное испытание.

За годы, проведённые в Бельгии, я набрался местных словечек и некоторых особенностей произношения, поэтому впредь во всех непонятных ситуациях за границей, а особенно во Франции, без какого-либо зазрения совести прикидываюсь бельгийцем, с которых, как известно, спрос невелик в силу укоренившегося в сознании их соседей по континенту образа простачков, немного деревенщины и слегка не очень шустрых и сообразительных, даже «тормознутых» персона-

жей. Во французском фольклоре – французы, как известно, остры на язык – бельгиец являет собой нечто среднее между чукчей и эстонцем в российском мировосприятии. Не в меру горделивые «лягушатники» в принципе никого из соседей не жалуют, а уж обитателей соседнего королевства – и подавно.

Но столь снисходительное и порой даже чуть пренебрежительное отношение скорее показушное. Современной Франции катастрофически не хватает собственных дарований, поэтому они занимаются хедхантерством по всей франкофонии, и бельгийцы в силу хорошего языка и географической близости оказываются в фокусе их самого пристального внимания. В итоге валлонское сообщество жесточайшим образом страдает от утечки мозгов: едва появляется бельгиец с признаками таланта в области актёрства, телевидения, журналистики, пения и тому подобных сферах, его тут же переманивают во Францию на более высокие зарплаты. Бельгийцы без особого труда избавляются от своего бельгийского акцента, вполне успешно интегрируются во французские реалии и имеют перспективу построить куда более заметную карьеру, чем у себя на родине.

В силу этого обстоятельства всегда считалось, что бельгийские франкоязычные СМИ, будь то газеты, журналы, телевидение или кинематограф, гораздо слабее конкурентов из Фландрии. Фламандские журналисты практически никогда не переходят в голландские издания и телекомпании. Причина вовсе не в патриотических чувствах (они бы и рады сбе-

жать), а в сильных, «режущих слух» лингвистических и фонетических особенностях фламандцев, которые скорректировать крайне непросто. Помимо этого, рынок масс-медиа и развлекательного контента в Нидерландах в разы меньше, чем во Франции и других франкоязычных странах, поэтому вполне насыщается местными талантами. Так что фламандцы вынуждены кусать локти от досады и вариться в собственном (зато невероятно качественном!) соку, с неприкрытой завистью посматривая в сторону более везучих, хотя и, по их мнению, абсолютно этого не заслуживающих валлонов, которым столь несказанно повезло родиться франкофонами.

Как вы видите на этом небольшом примере, особой любви, дружбы или хотя бы понимания между двумя частями страны не наблюдается. Про раздирающие страну внутренние противоречия речь в ходе настоящего повествования будет заходить ещё не единожды, и читатели смогут по достоинству оценить все «прелести» взаимоотношений заклятых вынужденных соседей по единой территории.

Тем не менее, усиленно насаждаемая и даже пестуемая соседями «ущербность» бельгийских франкоязычных граждан ощущается на многих уровнях. Французы с очевидным удовольствием и смаком шпыняют их по поводу и без. Однако данное обстоятельство отнюдь не мешает по достоинству отмечать существенный вклад народа Бельгии во франкоязычную и мировую культуру. К числу известных бельгийцев относятся художники Рене Магритт и Поль Дельво, певцы Жак

Брель, Сальвадоре Адамо, Лара Фабиан, Стромае, актёры Одри Хепберн, Жан-Клод Ван Дамм, Бенуа Пульворд, писатели Жорж Сименон, Амели Нотомб, изобретатель саксофона Адольф Сакс, создатели комиксов про Тинтина Жорж Реми (Эрже) и смурфиков Пьер Кюллифор (Пейо). Список можно продолжать долго. Но даже перед лицом столь очевидных и неопровержимых фактов истинный француз никогда не признается, что бельгийцы – тоже люди.

В Нидерландах к фламандцам относятся столь же снисходительно, порой свысока и покровительственно. Те пыжатыся из всех сил доказать своё право на место под солнцем, но раз за разом проигрывают. Случаются, конечно, редкие локальные достижения вроде победы национальной сборной в футбольном матче, поглощения бельгийской фирмой голландского конкурента или покупки бельгийским издательским домом какого-то нидерландского СМИ. Это вызывает кратковременный восторг и мимолётное чувство мнимого превосходства, но суровая реальность довольно быстро вновь всё расставляет на свои места, заставляя фламандцев завистливо глотать пыль из-под колёс разудалых голландцев.

Удивительным образом перманентный поток мелких тычков и унижений со стороны соседей остаётся одним из немногих факторов, объединяющих Валлонию и Фландрию. Глобально местные аналитики утверждают, что если бы не проблема Брюсселя, который два народа никак не могут поделить (для валлонов это насквозь франкоязычный город, а

для фламандцев – в культурном плане утерянная, но столица), общие судебная система и система социального страхования, то они давно бы расплевались и разбежались в разные стороны. Ни дать, ни взять – нелюбящая друг друга семейная пара, связанная общим ребёнком, кредитом на автомобиль и ипотекой. Грустные открытия для пронизанного взаимным недоверием и скупостью чувств общества. В определённый момент их становится даже немного жаль, однако это чувство скоротечно ввиду того, что после более предметного погружения в межбельгийские дразги понимаешь, что они вполне заслужили то, что имеют в настоящий момент и то нерадостное, что маячит у них на горизонте.

Ассоциации

Готовясь к написанию книги, я, имея определённый сумбур в собственной голове, задался вопросом, что в нашей стране знают про Бельгию, какие у людей возникают ассоциации при упоминании этого государства. Пришлось устроить небольшой опрос в мессенджерах и соцсетях, чтобы собрать более-менее репрезентативное количество ответов. Я просил дать по пять ассоциаций, которые первыми приходили в голову. Разнообразие полученных данных удивило, местами даже озадачило. Для многих базовой реперной точкой и основой знаний является фильм «Залечь на дно в Брюгге». Факт, который однозначно испугал. Стало понятным, что для людей Бельгия продолжает оставаться *terra incognita*, то есть «неизведанной землёй», территорией, которая вроде как на слуху, но про неё сложно сказать что-то конкретное. «Маленькая страна рядом с Францией» – весьма точное услышанное мной определение, отражающее общее ощущение.

На самом деле, так оно и есть. Все слышали про Брюссель и Брюгге, кто-то знает про Гент, Антверпен, Остенде, про злобных и неприятных во всех отношениях еврочиновников, штаб-квартиры Европейского союза и НАТО (как написал один мой знакомый – «брюссельский обком»). Наиболее популярное, я бы даже сказал «классическое» ассоциа-

тивное трио – шоколад, вафли и пиво (в вариациях «Крик», «Квак» и «Делириум»). Не забыли и про жареную картошку – фриты, и чтобы непременно с майонезом. Гастрономический портрет страны дополняют мидии и селёдка, кое-кто даже вспомнил про брюссельскую капусту. Из знаковых достопримечательностей безоговорочными фаворитами оказались Писающий мальчик и Атомиум, чуть подотстал от них цветочный ковёр на Гран-Плас, отдельные знатоки называли Центральный вокзал Антверпена, Ватерлоо, Динан, Льеж. О чём ещё вспоминали? Дожди, серость, порты, Северное море, бриллианты, броканты, кружева. Целая палитра образов, звуков и запахов страны.

Довольно плохо со знаменитыми бельгийцами: по несколько человек упомянули Эркюля Пуаро и комиссара Мегрэ (напомню, оба – вымышленные литературные персонажи), знакомы людям Магритт и целая россыпь фламандских художников, назвали половину состава сборной Бельгии по футболу.

Печально было увидеть, что люди обращают внимание на мусор, убогое грязное метро, вымирающий по вечерам центр Брюсселя, толпы мигрантов и бездомных, смурных наркоманов на железнодорожном вокзале Брюссель-Север, малолетних румынских проституток в Королевском парке. Раньше такого о провинциальной, тихой и скромной, зато милой, когда-то опрятной, немного сказочной и даже слегка кукольной Бельгии язык бы не повернулся сказать. Но времена ме-

няются. Из хорошего остались дух старой Европы, средневековые домики, мощёные мостовые, освещение на автострадах и детский взгляд на жизнь художников бельгийских комиксов.

Я благодарен всем, кто откликнулся на мою просьбу. Ваши ответы дали представление, о чём нужно рассказать на страницах моего фолианта в первую очередь. Вспомним про случайную погоду, серый цвет, сдержанный характер местных жителей и серьёзно-предупредительный тон официантов.

Отдельного внимания заслуживают оценки, прозвучавшие от самих бельгийцев. Они себя ценят, при этом не совсем осознают, чем же именно они так хороши. В ход идут словосочетания, достойные сеанса приёма у психолога или вдумчивого аутотренинга, эдакое самоуговаривание: настоящая демократия, консенсус, самоирония, лёгкая адаптация к изменениям, смирение, мультикультурализм, мультилингвизм. Создаётся стойкое впечатление, что нация находится в постоянном поиске настоящей себя. Глубоко погружённые в бельгийские реалии граждане с активной социальной позицией всюду костерят очевидные минусы этого развитого западного общества: безответственность политиков и полиции, долгие месяцы существования без правительства, проблемы с безопасностью в крупных городах, очереди к врачам, пробки, дорогую коммуналку, пенсионерский ритм жизни. Взгляд изнутри не радуется и не вызывает желания

влиться в стройные ряды подданных бельгийской короны.
Как говорится, не путайте туризм с ПМЖ.

Но, обо всём по порядку.

Здание Посольства России в Брюсселе

БЕЛЬГИЯ ГЛАЗАМИ ДИПЛОМАТА

Первое знакомство

На самом деле я вырос с осознанием того, что в мире есть две самые замечательные страны: Швейцария и Бельгия. Такова была святая убежденность моих бабушки Нины Ивановны и дедушки Юрия Матвеевича с маминой стороны. Игнорировать данный постулат не было ни малейшей возможности. В Женеве и в Брюсселе дед провёл долгие годы командировок. Их московская квартира всегда была полна вещей, привезённых «оттуда». Я рос на бельгийских комиксах, которые читала моя тётя Наташа. Играл в смурфов, когда в СССР про них никто не слышал. В детстве я разбил у них бельгийский торшер. Дед обучал меня различным протокольным премудростям, на примере своего красивого и богатого домашнего бара объясняя, что такое аперитив и диджестив, какие напитки и как следует потреблять. Он красиво курил сигареты «Винстон» с мундштуками, а затем эти самые мундштуки чистил специальными ёршиками. Действо было абсолютно завораживающим.

Вспоминая себя перед первым настоящим, живым соприкосновением с бельгийской землёй, могу сказать, что благодаря облагораживающему влиянию дедушки и бабушки моя голова была полна самых разнообразных ассоциаций. Выделить из них лишь пять довольно сложно. Пожалуй, скажу, что это были вышеупомянутые смурфы в виде фигурок, ко-

миксы во всём их разнообразии, Писающий мальчик в образе дедовой зажигалки, попадавшие под руку монетки бельгийских франков, необычные люстры и лампы. Чуть позже к бессознательному добавился вполне конкретный персонаж детективов британской писательницы Агаты Кристи чудакватый бельгиец Эркюль Пуаро. Набор, прямо скажем, не самый очевидный и типичный.

Как вы заметили, в нём напрочь отсутствуют гастрономические составляющие, про которые люди в моём опросе вспоминали чаще всего. Как большинство подростков, я в детстве не любил морепродукты, поэтому мидии не пробовал. Пиво, тем более столь изысканное и дефицитное познавать тоже было рановато. Бельгийскому шоколаду я предпочитал шоколад швейцарский, но отнюдь не ввиду чрезмерной избалованности или взыскательности вкуса, а по той причине, что в те годы бабушка с дедушкой находились в командировке в Женеве и в условиях тотального дефицита в России всего и вся при малейшей возможности передавали к праздникам любимым внукам местные, то есть швейцарские сладости. Фриты для меня, прошедшего волею судеб первые несколько лет жизни в США в командировке с родителями, являлись не более чем гарниром в известных заведениях фастфуда. Несколько раз натыкался на лежавшую в шкафу без дела привезённую из Бельгии электрическую вафельницу. Возможно, моя тётя пару раз даже пыталась их приготовить, но это неточно. Скорее всего, дело ограничи-

валось обещаниями. Короче, вкус вафель мне доподлинно известен не был.

Впервые физически я попал в Брюссель в далёком 1997 году в рамках популярного в те годы дикого бюджетного автобусного европейского тура, включавшего несколько основных европейских столиц и массу ночных переездов, зато позволявшего бедным студентам за небольшие деньги открывать новые страны. Бельгийская столица входила в мой маршрут, разместившись в графике передвижений между Парижем и Амстердамом. Более того, там была предусмотрена ночёвка в скромном отеле недалеко от центра, поэтому имелась возможность всё осмотреть чуть меньшим галопом, чем в других местах.

После обзорной экскурсии по городу нас забросили в гостиницу, показали, в какой примерно стороне находится Гран-Плас, и отпустили до утра. Я тут же раздобыл на ресепшене карту города и побежал вперёд, навстречу формально неизведанному, но столь знакомому по рассказам родственников городу.

В отличие от Парижа, в котором я побывал накануне и под безусловным очарованием которого продолжал пребывать, Брюссель не впечатлил совершенно. Всё на несколько порядков скромнее и беднее, практически нет красоты и узнаваемых мест. На улицах не слишком опрятно. Нет, не грязно, именно неопрятно, как будто попал в старую, обжитую квартиру, где все вещи вроде бы на своих местах, но разложены

неряшливо и абы как, без какой-либо идеи, дизайна и намёка на попытку создать уют. После красивых и таких ровных парижских бульваров здесь бросилась в глаза очевидная эклектика, непонятная мешанина зданий разной стилистики и образчиков удалённых друг от друга эпох. Долго бродить по неприветливым улицам и наслаждаться окружающей сурово-стрёмной действительностью не хотелось. Тем более что по европейской традиции довольно рано вечером все достопримечательности и магазины закрылись, и улицы мгновенно обезлюдели. Жизнь теплилась лишь вокруг немногих баров и ресторанов, но скромный студенческий бюджет не позволял воспользоваться этими благами. Так что, протопав по основным «обязательным» точкам, я вернулся в гостиницу, пройдя через ряд сексшопов и пип-шоу, а также околачивавшихся поблизости проституток. Стало понятным, почему нам достался отель в центре города: район был весьма сомнительной благонадёжности. Впечатление было странным. Я решил вернуться в гостиничный номер и не портить окончательно впечатление о Брюсселе, предпочтя наслаждаться парижским послевкусием.

С утра, наскоро позавтракав в отеле, предпринял попытку вновь немного пробежаться по окрестностям, надеясь, что в лучах милого летнего рассветного солнца город заиграет новыми красками, покажется более благожелательным и приятным. Увы, по незнанию я направил свои стопы в сторону Ботанического сада, что стало очередной ошибкой. По пути

мне то и дело попадались огромные крысы, которых в этой части города оказалось какое-то невероятное количество. Людей они совершенно не пугались, чувствуя себя полными хозяевами города. Я ужаснулся и поспешил нырнуть в более центральные улочки. Те встретили меня грудями невывезенного после трудового дня мусора, да шумом доставщиков продуктов, лениво по-французски перекрикивавшихся между собой.

Чувства недосказанности не осталось. Я со спокойным сердцем поспешил в сторону гостиницы, от которой вскорости отходил мой туристический автобус в сторону соседней Голландии.

Не скажу, что впечатление о Брюсселе оказалось негативным. Скорее город показался мне никаким, скучным и неинтересным за исключением редких ярких вставок вроде Гран-Плас. Присутствовало лёгкое чувство разочарования или, вернее, ощущение обманутых ожиданий. Наверное, я слишком много хотел от этого скромного города, напрасно пытался поставить его в один ряд с другими крупными мировыми столицами. Его надо воспринимать отдельно.

Когда через пару лет я оказался на стажировке в расположенном столь недалеко Париже и имел теоретическую возможность съездить в Бельгию, тем более что мой верный товарищ по парижскому этапу жизни Шура регулярно мотался оттуда к своей девушке-бельгийке, однако никакого желания освежить единожды увиденное не возникло. Имевшиеся в

памяти образы вполне удовлетворяли, а жирная галочка, поставленная в списке посещённых стран, предполагала освоение иных просторов. Возможно, стоило посмотреть что-то помимо столицы, но в тот конкретный момент я был чересчур сконцентрирован на Франции, в которую беззастенчиво влюблялся.

Едем в Бельгию

Тем не менее, когда деда не стало в 2006 году и пришло время определяться с местом будущей длительной заграничной командировки, необходимость периодического выезда в которые предполагает служба в российском внешнеполитическом ведомстве, в память о нём мне хотелось попасть в Женеvu или Брюссель, где он трудился. Получилось так, что выпал вариант Брюсселя. Сие обстоятельство показалось весьма символичным: именно в этом городе дед узнал о моём рождении, у нас в семье даже сохранится забавная керамическая пивная кружка с крышкой в виде смешного капитана, на которой написано «Vive le grand-père!» («Да здравствует дед!»), а также указаны месяц и год моего рождения.

Утверждение в командировку конкурсной комиссией прошло на удивление быстро, а оформление, которое на практике подразумевает прохождение стажировки по всему Министерству и в высшей степени пристрастной медицинской комиссии всеми членами семьи, а также сдачу экзаменов по иностранным языкам на мидовских курсах – сравнительно гладко. Ехал я на повышение и сразу после пересечения государственной границы Российской Федерации 25 сентября 2008 года чудесным образом из второго секретаря превратился в первого секретаря, то есть сделал очередной шаг по дипломатической карьерной лестнице. Начиналась новая

глава жизни, которая продлилась ровно шесть лет.

С чего начинается длительная заграникомандировка дипломатического сотрудника? Правильно, с целой россыпи проблем. При этом наиболее сложные в решении вопросы не относятся к категории профессиональных вызовов. С точки зрения подготовки к дипломатической работе парадигма вырисовывается предельно простая: после утверждения в командировку приходишь в соответствующий отдел территориального департамента центрального аппарата, где читаешь досье о стране, изучаешь все нюансы, которые могут пригодиться, знакомишься с материалами, поступающими из посольства, расспрашиваешь коллег, которые там работали, наводишь среди знакомых справки про будущего руководителя, если он тебе не известен, и остальных сотрудников.

Всё, с одной стороны, гораздо сложнее, а с другой стороны – приземлённее: надо собраться в чужую страну, сообразить, что там понадобится из привычных вещей. В некоторой степени проще в дальних странах, где существует жёсткий лимит по багажу, перевозка которого оплачивается работодателем, то есть Министерством. Чем дальше и дороже перелёт, тем меньше багажа тебе позволят взять с собой, поэтому селекция вещей идёт жесточайшая. Помню, в Сенегал привёз буквально пару чемоданов и столько же увёз обратно, без сожаления выбросив или раздав оставшимся коллегам или местным всё, что не получалось впихнуть в выделенные единицы поклажи. Сложнее там, где существуют рейсы по-

сольских автобусов, которые перевозят в том числе и личные вещи сотрудников. Это не бесплатно, но стоит вполне разумных денег.

В Африку я когда-то отправлялся фактически один и ни в чём особо не нуждался. В Бельгию же мы ехали уже со старшей дочкой и, соответственно, ворохом детских причиндалов в виде колясок, стульчиков, столиков, игрушек, даже её любимый сборный детский домик, который занял немалую часть служебной квартиры, пришлось брать с собой во избежание недовольства ребёнка. Выручил пресловутый автобус, смиренно доставивший к месту будущей службы всё, что душе и семье было угодно.

Бытовые неурядицы посольских сотрудников редко кого волнуют кроме самих сотрудников и членов их семей. Каждая командировка начинается с борьбы за квартиру, её ремонт, замену мебели и более приличный автомобиль. Чем выше должность и разнообразнее опыт предыдущих «ходов» за рубеж, чем больше шансы на успех в этой неравной схватке с мощной посольской бюрократией.

В мире обитателей российских загранучреждений всё предельно регламентировано. Так, квартиры обычно выделяются сообразно занимаемой должности и не зависят от количественного состава семьи. Положенные квадратные метры чётко прописаны в нормативных документах, поэтому бороться с главным бухгалтером за выбивание иных условий или, тем более, дополнительных благ довольно пробле-

матично, ибо он, как правило, воспринимает подобные «заходы» не иначе как личное оскорбление. В моём случае никакой интриги не было – мне «по наследству» доставалась квартира, которую занимали до меня не менее трёх поколений пресс-секретарей. Преемственность во всём. Меня такой вариант вполне устраивал. Квартира практически вписывалась в отведённую под мой должностной уровень норму, так что в излишках значилось лишь два с половиной квадратных метра, за которые я исправно платил в бухгалтерию на протяжении трёх лет. Зато когда меня повысили в должности и, соответственно, подросла норма положенной мне служебной жилплощади, и я радостно явился пред светлые очи главбуха с предложением компенсировать мне мои тяготы и необходимость ютиться в скромных пенатах, что всё явственнее ощущалось на фоне роста семьи, за счёт переселения в более просторные апартаменты, мне безапелляционно заявили, что, увы, сие категорически невозможно по длинному перечню причин, главная из которых – нежелание самого бухгалтера что-либо делать и менять. Так что мне на три года милостиво простили мою блажь, а заодно посоветовали... больше не размножаться, дабы не усугублять начавший беспокоить меня квартирный вопрос.

После урегулирования всех обстоятельств, связанных с квартирой, следует проблема ремонта. Согласитесь, не хочется въезжать во вторичку, со следами жизни (порой весьма бурной) предшественников. По этой причине всегда же-

лательно провести хотя бы косметический ремонт в новом жилище. На протяжении командировки с каждого сотрудника бухгалтерией удерживается определённая сумма на текущий ремонт, так что сложностей, казалось бы, никаких быть не должно. Однако красивая теория вдребезги разбивается о суровую реальность в лице главного инженера и технической группы российского загранучреждения, действующих в тайном сговоре с главбухом. У этой шайки найдётся миллион и одна причина попытаться избежать как дополнительной работы, так и заложенных в смету расходов. В первой командировке я, будучи человеком наивным, неопытным и верившим во всё светлое в человечестве, заселился в то, что было предоставлено, а затем мучительно боролся с трудностями на протяжении всей командировки. С годами я стал более искушённым, однако всё равно недооценил виртуозную изворотливость инженера, который так и не сподобился покрасить стены за те три недели, которые отделяли мой приезд от прибытия моих девчонок. На данного чёрствого субъекта не действовали ни уговоры, ни мольбы, ни угрозы, он продемонстрировал нулевой уровень человечности. Пришлось временно заселять семью в гостевую квартиру, усугубив стресс от переезда неулаженностью и временностью быта.

А я затаил в своей подлой душонке обиду и затем поспособствовал отъезду зловредного товарища с очень плохой характеристикой, вызванной, естественно, совершенно

иными обстоятельствами, просто моя рука человека, занимавшегося кадровыми вопросами, ни на секунду не дрогнула при подписании судьбоносного документа. Всё-таки к людям, тем более к коллегам надо относиться с бóльшей эмпатией.

Следующий обязательный этап обустройства – обеспеченность мебелью. В этом деле нужны наблюдательность, память и быстрота реакции, ибо на арене появляется зубр любого посольства в лице завхоза. Этот человек по долгу службы истово выступает за рачительность и априори призван быть первостатейным скупердям. По этой причине во время посещения жилища предшественника необходимо запомнить (вплоть до фиксации инвентарных номеров – верных спутников любого казённого помещения), какая мебель там наличествует, так как ушлый хозяйственник непременно попытается втихую перераспределить наиболее приличное с его точки зрения движимое имущество по своему усмотрению. Главное – не щёлкать клювом, а быстро и чётко наложить руку на то, что вас из мебели устраивает.

Однако наивно полагать, что мебельный вопрос, решившись на старте, более никогда не омрачит вашего существования на чужбине. С завхозом придётся пересекаться неоднократно в случае неизбежного ветшания и выхода из строя переданного вам по акту имущества. Конечно, каждый волен дооборудовать и видоизменять обстановку на свой вкус за счёт собственных средств, хотя при каждом звуке дрели

к вам будет прибегать инженер и причитать по поводу чинимого изуверства, обильно орошая слезами невзрачные стены служебной квартиры, которую хочется хоть как-то украсить. Отваливающиеся дверцы шкафов, ломающиеся стулья или рассыпающиеся тумбочки тоже никто не отменял. В ведении завхоза также находятся холодильники, плиты, вытяжки, кондиционеры, унитазы, краны, световые приборы и прочие приятные и необходимые наполнители временного дома. Скорость и качество их замены напрямую зависят от вредности, настроения, профессионализма завхоза и ваших личных с ним отношений. Поэтому постарайтесь никогда не ругаться с этими важными фигурами любого загранучреждения.

Отдельная боль – матрасы. Из чисто гигиенических соображений хочется нечто новое и приличное, но ваши желания в унисон не будут разделять завхоз и бухгалтер. Настаивайте и боритесь, если нужно – плачьте и унижайтесь, в противном случае будете до конца командировки спать на пространстве, описанном чужими, а не вашими детьми.

Далее следует новый рубеж становления вновь прибывшего сотрудника. Он из безлошадного должен превратиться в обладателя служебного транспортного средства с дипломатическими номерами. Распределение автомобилей, их класс, размер, марка, а порой и номер тоже находятся в прямой зависимости от должностной группы, к которой относится новый клиент. Но и на этом этапе возможны варианты, которые зависят от Цербера под названием «заведующий гаражом».

Этот человек трясётся над вверенным ему автопарком и воспринимает любую царапину на теле казённых железных коней как личную трагедию, а каждый проеханный километр – как насилие над их личностью. Смиритесь с этой данностью и водите аккуратно.

Перво-наперво он подвергает новичков строгому экзамену, дабы убедиться в наличии у них навыков управления колёсной техникой. Первые метры тестовой дистанции, повороты руля и касания педалей вызывают в завгаре целую палитру чувств, которая зависит от должностного уровня сидящего на водительском сиденье: на советника или первого секретаря он вполголоса побухтит под нос, а молодого атташе знатно оборёт, не особо стесняясь в выражениях. Далее следует подробный инструктаж об особенностях вождения, парковки, заправки и автомойки в стране пребывания. Весьма, между прочим, полезные знания. Затем следует попытка всучить машину попроще или поубитее, так как доверия предъявленному водительскому удостоверению и рассказам о годах практики и безаварийного вождения на Родине или в других странах никак в сердце завгара не отзываются и доверия не вызывают. Мол, поезди сначала на старье, которое вот-вот направится на списание, привыкни к местным особенностям, а потом, возможно, пересадим на что-то новое и достойное. Этим рассказням верить нельзя – ведь мы знаем, что нет ничего более постоянного, чем временное.

Автомобиль мне, как кабинет, квартира и мебель, тоже

достался от предшественника. Я докатал на нём положенный срок эксплуатации, а затем заслужил право подобрать новый аппарат из салона. Так что с транспортом сложностей не возникло.

Зеекраббе

Было бы неправильным с самого начала не сказать хотя бы несколько слов о посольской территории, отныне ставшей для меня и моей семьи.

Посольство Российской Федерации в Королевстве Бельгия находится на обширном участке, некогда являвшемся классическим поместьем с замком Зеекраббе («Морской краб» на фламандском) в центре. С тех пор как эта недвижимость была после Второй мировой войны приобретена в собственность Правительством СССР, её постепенно приспособляли к нуждам советского (затем – российского) загранучреждения. Надо отдать должное предшественникам, делали это вдумчиво. Несмотря на неизбежные перестройки и появление новых объектов, в первоизданном виде сохранились замок и конюшня, ныне переделанная в гараж и консульский отдел.

Замок оказался самым настоящим. Учитывая, что таковыми в Бельгии принято называть любое мало-мальски крупное здание, наш вариант идеально подходит под это определение. Сейчас он является резиденцией российского посла. Первый этаж занимают представительские помещения, в которых регулярно проводятся различные протокольные мероприятия. Они известны многим друзьям и гостям посольства. Второй этаж отведён под полноценные жилые помеще-

ния, а на третьем этаже размещались типичные для господских домов мансардные квартирки для прислуги. Когда-то там явно располагались служебные кабинеты младших дипломатов и канцелярия, хранился посольский архив. Соответствующие следы были обнаружены в ходе одного из ремонтов.

В подвальном этаже находится огромная представительская кухня, в которой безраздельно властвует посольский повар. В его распоряжении просторные раздаточные столы, позволяющие обеспечивать масштабные приёмы. В ходе одного из этапов реконструкции был обнаружен замурованный механизм специального лифта образца конца XIX – начала XX века, использовавшегося для подачи наверх готовых блюд. Это говорит о том, насколько современно был оснащён по тем временам наш шато. Неизвестно когда и кем было принято решение отказаться от использования этой техники. Возможно, это сделали по причине замены на более компактный и лёгкий в эксплуатации аналог.

Шато Зеекраббе

Первыми советскими обитателями этого здания стали сотрудники комиссии по репатриации советских граждан, которая работала в стране сразу после мировой войны во второй половине 40-х годов. Генерал, возглавлявший комиссию, получил это здание от бельгийских властей во временное пользование. Говорят, оно ему настолько приглянулось, что он, видимо, будучи человеком с хорошей хозяйской

хваткой, выписал из советского посольства в Лондоне, курировавшего на тот момент Бельгию, специалиста, они направили бумаги в Москву и, получив соответствующее разрешение, оформили документы о покупке замка и земельного участка вокруг. Так там на долгие годы прописались отечественные дипломаты.

При этом основным посольским зданием с 1947 по 1963 годы являлся другой особняк, расположенный на проспекте Франклина Рузвельта – красивейшая вилла с бассейном под названием «Эмпен» (Villa Empain) в стиле ар-деко, в котором ныне находится Музей современного искусства. Здание настолько яркое, что регулярно используется для съемок кино.

История виллы оказалась довольно драматичной. В момент возобновления советского дипломатического присутствия в 1947 году тогдашний премьер-министр Бельгии, легендарный политик Поль-Анри Спаак единоличным решением отобрал это здание у владельца в лице барона Луи Эмпена в качестве «добровольного» пожертвования в пользу советских дипломатов. Что стало причиной подобного жеста доподлинно, насколько я понимаю, неизвестно. Возможно, он был продиктован тем, что Спаак в тот момент являлся одним из лидеров Социалистической партии Бельгии, а, может, причиной стал громадный авторитет СССР в послевоенной Европе. В любом случае на протяжении 16 лет наши дипломаты трудились в очень изысканных условиях.

В 1963 году договор дарения виллы был пересмотрен и аннулирован министром образования Камилем Хейсманом, а здание вернули владельцу. Советские же представители переехали на Де Фре, где к тому моменту построили новое служебно-жилое здание.

Последнее само по себе примечательно. Оно было спроектировано в качестве общежития для советских рабочих, задействованных на возведении павильона СССР к Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году. Популярный в 50-60-е годы XX века конструктивизм в наши дни с эстетической точки зрения смотрится довольно сомнительно. Но тогда главенствовал минимализм декора и передовые технологии

обеспечения жизни человека будущего. Автором проекта, имя которого я сейчас не вспомню, назначили бельгийского архитектора, что весьма необычно, так как в советские времена не принято было отдавать иностранцам заказы на возведение специфических по своему функционалу посольских комплексов. Для Бельгии было сделано исключение, поскольку автор проекта являлся коммунистом. Таким образом Москва хотела поддержать товарищей из местной компартии.

Итогом стал огромный дом монструозного вида, напичканный передовыми, если не сказать новаторскими идеями организации человеческого быта. В частности, на крыше планировалась специальная зона для прогулок и солнечных ванн, что особенно «востребовано» в суровом и дождливом бельгийском климате. Наверное, подразумевалось, что над дипмиссией Советского Союза в любом случае нон-стопом должно светить яркое солнце. На предпоследнем этаже располагалась общественная кухня-столовая. При этом в квартирах собственные кухни отсутствовали, ибо кашеварить индивидуально – это мещанство и отвлекает от работы. В полуподвальном этаже располагалась обширная и высокотехнологичная по тем временам прачечная, для которой закупили иностранное оборудование. Часть служебных машин, с учётом сложного рельефа местности, должна была загоняться на второй этаж. Жилые же помещения отличались скромностью планировок и площадей.

Подозреваю, что если в качестве общежития для командированных на несколько месяцев рабочих творение бельгийца более-менее годилось, то задачу расселения сотрудников с семьями совершенно не тянуло. Поэтому после сдачи объекта бельгийскому товарищу выплатили положенный гонорар, похлопали по плечу и.... начали масштабную реконструкцию.

Административное здание Посольства

Несмотря на произведённую переделку, общая концепция

здания не сильно пострадала. Подтвердилось это спустя более полувека, когда в посольство неожиданно нагрянули родственники того самого архитектора, а также автор его биографии. Выяснилось, что тот был признан одним из корифеев конструктивизма в стране, однако из созданных им шедевров почему-то сохранились считанные единицы, причём наш посольский комплекс чуть ни лучше всех. Растроганная родня вместе с исследователем его творчества, которых мы после некоторых раздумий запустили на территорию, роняли в бельгийскую пыль слёзы умиления и радости от созерцания великого творения. Мы же вспоминали стеснённые бытовые условия наших сотрудников и тоже украдкой смахивали выступавшую на глазах влагу.

К моменту визита обозначенной делегации мы успели значительно обновить пришедший в довольно обветшавшее состояние классический советский зрительный зал, откровенной незатейливостью внутреннего убранства походивший на помещение областного Дома культуры. Глобальной реконструкции в итальянском стиле также подверглось представительское помещение, используемое для проведения крупных протокольных мероприятий. Оно отлично знакомо всем, кто когда-либо бывал на государственном приёме или на избирательном участке в Брюсселе. От первоначального антуража там сохранилась входная группа под козырьком, главная лестница на второй этаж, огромные многометровые окна и панно в стилистике конца 50-х годов. Родственники оросили

слезами и эти части строения. С благоговением были сделаны несколько снимков, и получены клятвенные обещания, что они будут включены в будущий бесценный фолиант, а также в историю бельгийской архитектуры. Мы насилу проводили безмерно благодарных гостей.

Практически всем проживающим в Бельгии соотечественникам знакомо и другое здание на территории посольства – помещение консульского отдела с входом со стороны улицы Роберт Джонс. Оно когда-то было хозяйственной постройкой и служило конюшней. Некоторая преемственность в вопросе функционала сохраняется – нижняя часть до сих пор используется для хранения служебных «железных коней». Этажом выше располагается консульский отдел, который не слишком хорошо соответствует требованиям приёма посетителей. Пространства действительно мало. Неудобно ни посетителям, ни сотрудникам. Но, поверьте, из него «выжали» максимум с учетом исторического характера постройки и сложных конструктивных особенностей разноуровневого строения, которое по изначальной задумке архитектора и строителей было призвано служить совершенно другим целям.

Консульский отдел посольства

Со времён предыдущих хозяев остались нетронутыми и два насыпных, явно рукотворных холма, находящиеся в середине территории. В осенне-зимний сезон, когда опадает листва, их можно рассмотреть из-за забора со стороны улицы Де Фре. Существует легенда, что эти объекты якобы являются древними курганами, а то и захоронениями. Вроде как при строительстве нового административного здания экскаватор скovyрнул некую старую кладку в основании.

Строители перепугались и от греха подальше закопали обратно. Насколько данный апокриф правдив, история умалчивает. Истинная правда ведома, скорее всего, лишь лисам, которые обитают на территории и вырыли свои норы аккуратно в недрах кургана. Это дало повод посольским детям рассказывать друг другу байки о том, что рыжие представители дикой природы обитают внутри в пещере, заполненной драгоценностями и рыцарским оружием.

Из «непомещичьих» строений, которые добавились в реестр российской недвижимости в Бельгии в гораздо более приближенные к настоящему повествованию времена, отмечу основной жилой дом, в котором мы поселились на долгие шесть лет.

Он действительно стал родным домом в привычном понимании этого слова. Мы полюбили нашу скромную двухкомнатную квартирку, с которой многое связано. Несмотря на казёнщину предоставленной государством обстановки, Рита сумела привнести в неё тепло и уют. Она стала свидетелем по-настоящему очень счастливых лет жизни нашей семьи.

На огромных балконах, фактически опоясывавших здание, я выращивал цветы и зелень для красоты, а огурцы, помидоры и землянику для прикола. Привыкли мы к узкому подземному гаражу, в котором с закрытыми глазами мог одним точным, рассчитанным до сантиметра манёвром запарковать свой служебный автомобиль. Приноровились заводить пакеты с покупками на одной из тележек, временно

позаимствованных в соседнем супермаркете, прямо в квартиру. Весьма, признаюсь вам, удобная опция. Частенько заглядывали в медпункт на первом этаже, чтобы просто поздороваться с врачом Палычем, которого знали ещё по Сенегалу, и стоматологом Кирой. Нравился располагавшийся в подвале скромный бар, в котором так приятно было вечером заказать бокальчик разливного пива, порцию жареной картошки или креветок в кляре, столь полюбившихся моей тёще Ирине Александровне, которая регулярно у нас гостила. В случае время от времени случавшейся гастрономической ностальгии заходили в магазин русских продуктов, поставку которых мы наладили из Германии: гречка из России, шпроты из Прибалтики, соленья из Польши. Мило, привычно и вкусно.

Жилой дом

Не дом, а целая минижизнь, в которой знаешь поименно каждого соседа, двери можно не запирать, а коляски и велосипеды не прятать. Дети постоянно где-то тусили, деловитой стайкой перемещались от одной мамы к другой, могли где-нибудь поесть супчика, угоститься домашней котлеткой или разжиться сладостями. Их можно было без проблем подкинуть буквально любому, если возникала необходимость куда-то отлучиться. А коли надо было на время дальней поездки или отпуска оставить приехавшего с нами рыжего, похожего на лисичку той-терьера по имени Венедикта Каприз Трейси Виктория (в миру – Веня), то выстраивалась целая очередь из желающих позаботиться о собаке. Выгуливали её тоже чуть ли всем двором. Многие праздники отмечали большой компанией, с классическими застольями и угощениями «в складчину». Дед Мороз на Новый год тоже был один на всех детей. Очень правильный у нас оказался дом, или заезд сотрудников на редкость душевный и дружный. Вернее, люди постоянно менялись, когда подходил срок окончания командировок, зато чудесный коллектив оставался.

А во дворе стояло здание посольской школы. В ней когда-то училась моя тётя. Конечно, в 70-е годы прошлого века здание было более скромным, нынешнее появилось сравнительно недавно. Вероника пошла здесь в первый класс, хо-

дила на кружки, участвовала во всяких праздниках. С учётом того, что её папа курировал работу учебного заведения со стороны посольства, то, сами понимаете, никого из детей Кузнецовых в ней никогда не обижали. Все учителя вполне искренне со мной раскланивались, но не из страха перед суровым куратором, а в силу добрых отношений: подавляющее большинство преподавателей в таких школах набирается из числа жён сотрудников, то есть людей преимущественно интеллигентных и приятных во всех отношениях.

Школа

Лебеди

Помимо описанного выше на обширной посольской территории оказалось много всего другого. В частности, там имелись все атрибуты типичного жилого комплекса российского загранучреждения: детская игровая площадка, теннисный корт, волейбольная площадка, несколько турников, сауна, место для шашлыков, который облюбовали дежурные коменданты. Даже грибы росли в дальнем конце участка, что позволяло отводить душу наиболее заядлым грибникам.

От старой усадьбы остался декоративный пруд в нижней части территории. Говорят, что его питают ключи, которые некогда заполняли протекавшую в этих местах речку, ныне убрannую в трубы под улицей Де Фре. Подтверждением того факта, что раньше здесь действительно имелась некая водная артерия, является противоположная от посольства сторона, сильно похожая на крутой берег.

Что касается упомянутого пруда, то на него через посольский забор может свободно полюбоваться любой желающий. Пруд вырыт в виде удлиненной восьмёрки. В самой узкой части между берегами перекинут лёгкий деревянный горбатый мостик, весьма похожий на тот, который фигурирует на полотнах французского художника Клода Моне, инспирированных видами его поместья в Живерни близ Парижа. Не исключаю, что мост появился по воле одного из послов, зна-

комых с творчеством знаменитого импрессиониста.

В самой широкой части находится небольшой искусственный островок с небольшим кусочком псевдоантичных развалин. Возможно, изначально это были обычные античные колонны, однако со временем они весьма натурально составились, саморазвалились и их решили не ремонтировать. На самом деле, подобные инсталляции были модным трендом и чуть ли не обязательным элементом ландшафтного дизайна в конце XIX века.

Сейчас главными обитателями острова является пара посольских лебедей. Они придают романтику пруду и прилегающей территории. На самом деле лебединая семья играет значимую роль в жизни российского посольства. Судя по отзывам предшественников, эти водоплавающие птицы появились там много лет назад. Есть вероятность, что они поселились там даже в «допосольские» времена, когда и в помине не было длинного забора с камерами и колючей проволокой, отделяющего сейчас дипсобственность от улицы Де Фре, и когда местные жители свободно срезали угол, протоптав тропинки под сводами огромных платанов и каштанов. Годы летели, улица застраивалась, менялось посольское начальство, но благосклонность в отношении пернатых оставалась неизменной. Сердобольные русские построили им домик, их подкармливают за госсчёт и даже лечат в случае необходимости, приглашая ветеринаров. Птицы же платили чёрной неблагодарностью. Во всяком случае, обитавший там

в описываемый период обрусевший самец по кличке Гоша отличался вздорным нравом и нелюдимостью. Он с завидной регулярностью шипел на тех, кто в неудобное для него время (то есть практически всегда) осмеливался приближаться к водной глади, активно защищал свою подругу, нападал на рабочих, обслуживавших водоём, неоднократно пытался прокусить имевшуюся у нашего техника надувную лодку, использовавшуюся для доступа на искусственный остров для уборки оногo от перьев и помёта того же Гоши и его дамы, а также разных залётных гусей и уток. Иногда он гонял посольских детей даже за пределами своих законных владений, а по особым случаям мог легко высказать «фэ» кому-нибудь из младших дипломатов или попугать девочек из канцелярии. Нередко он проводил тщательную инспекцию припаркованного на территории автотранспорта, взбирался на крыши и смачно гадил на отполированные поверхности тех транспортных средств, которые ему не нравились. Короче, никаких светлых чувств птах ни у кого не вызывал, за исключением руководителя. Как вы понимаете, этого покровительства вполне хватало, чтобы его не трогали и не гоняли.

Тем не менее, регулярно проявляемое Гошей чувство человеконенавистничества порой задевало отдельных обитателей посольского городка, увеличивая число его недругов. По этой причине никто особо не удивился, обнаружив однажды утром, что он выкрашен в не слишком характерный для дикой природы яркий синий цвет. На беду, первым произошед-

шую с птицей неожиданную трансформацию обнаружил вышедший на берег пруда после утренней чашечки кофе посол. Как вы можете догадаться, рабочий день в то утро начался с криков и сбора срочного совещания. Благодаря поднятым записям с камер видеонаблюдения довольно быстро установили, что ответственными за «художество» являются два сына одного из старших дипломатов. Молодых людей и их отца вызвали на ковер пред светлые очи начальника. Подозреваю, что досталось всем по первое число. Технической же группе была поставлена задача оперативно вернуть лебедю первоизданный (насколько это было возможным в сложившихся обстоятельствах) вид.

Гоша, не испытывавший никакого видимого дискомфорта относительно своего нового имиджа, отнюдь не горел желанием без боя сдаваться в руки квалифицированных рабочих. Для поимки пернатого пациента на территории развернули натуральную войсковую операцию с привлечением сил группы дежурных комендантов. Тот отчаянно сопротивлялся и довольно больно перещипал половину ловцов.

Когда Гоша всё-таки оказался в надёжных руках посольского инженера, тот опытным глазом определил, что простой водой смыть краску не удастся. Тогда решили удалять бельгийский колер с бельгийской живности русским методом – отправив в баню. Включили сауну, натопили её, отрядили «добровольцев» и начали помывочные процедуры. Лебедь переносил испытание стойчески, быстро осознав тщетность

предпринятых попыток вырваться на свободу, а затем пригрелся и даже, как говорят, начал получать удовольствие от пребывания в импровизированном спа-комплексе.

Идеальной белизны перьев добиться так и не удалось, поэтому на протяжении долгих недель Гоша красовался в слегка голубоватом облиии. Посол при взгляде на него горестно вздыхал и ворчал по поводу жестокости подрастающего поколения. Основная же масса посольского люда считала, что самцу досталось вполне по заслугам.

Через некоторое время в жизни Гоши произошла подлинная драма: по непонятной причине скоропостижно умерла его подруга. Всем известно, что лебединые пары отличаются удивительной верностью и обычно всю жизнь проводят вместе. Когда случилась эта трагедия, все его прегрешения были забыты, сотрудники искренне сочувствовали вдовцу, тем более что он очевидно страдал, стал непривычно тихим, целыми днями, скорбно понунив голову на длинной шее, отрешённо бродил по территории в поисках своей половинки. От бывлой агрессии не осталось и следа, сохранилась лишь какая-то мрачная решимость. Он стал чаще сидеть на крышах машин, и с явной неохотой спрыгивал со своего пункта наблюдения, когда его прогоняли, на что решиться могли не все сотрудники, которые всё ещё помнили его беспринципность и твёрдый клюв. Лебедь молча наматывал круги по территории, время от времени заглядывая людям в глаза в поисках ответа на терзавший его вопрос. Заходил настоль-

ко далеко, что своим выползанием из кустов в совершенно неожиданных местах в сотнях метров от пруда немало пугал обитателей жилого комплекса.

Смотреть на это было невозможным, поэтому обратились к специалистам, которые посоветовали попробовать найти замену. Мол, иногда такая тактика может привести к успеху. В питомнике подобрали молодую девочку, привезли в посольство и под чутким руководством посла аккуратно выпустили на территорию в специальный вольер. Вопреки некоторым опасениям Гоша воспринял помощь от дипломатов с облегчением и благодарностью, быстро нашёл общий язык с девушкой, которая оказалась кроткой и вполне ласковой. Глобально добрее он от этого не стал, однако, как мне кажется, время от времени стал сдерживать свою агрессию, поглядывая в сторону новой подруги и не желая перед ней ударять клювом в грязь. Так что лебединая идиллия на пруду Зеекраббе продолжилась.

Лисы

Коли я столь подробно живописал историю лебедей, стоит рассказать и о других обитателях посольской территории. Как ни странно, неизменными спутниками российских дипломатов в Бельгии стали лисы. Да-да, вы не ослышались (и не обчитались), в бельгийской столице на удивление много лис. Охота на этих животных в стране запрещена, естественных врагов у них в природе фактически не осталось, так что ощущают они себя в здешних местах чрезвычайно вольготно. Ими просто кишит расположенный неподалёку от посольства лесопарк Камбр. Не стала исключением и посольская территория. Ввиду её обширности она вполне подошла рыжим для проживания и даже обустройства норы с последующим выводением потомства.

Впервые лиса попалась мне на глаза вскоре после приезда, когда я поздно вечером ехал через Камбр. Фары выхватили из темноты узнаваемый силуэт с длинным пышным хвостом. Это заставило животное остановиться и поднять на меня голову. Очень ярко сверкнули двумя зеленоватыми звёздочками глаза. Я почему-то оказался морально не готов к подобной встрече и сильно удивился. Никогда до этого мне не приходилось встречать лис на воле. Оказалось, что их поголовье весьма значительно, и горожане вполне привыкли к шастающим по улицам представителям дикой природы.

Однако глобально никакой романтики в их жизни в городской черте я не усмотрел. По моим наблюдениям, они играют роль бездомных собак в других крупных агломерациях, исправно копошась в мусорных баках, разгрызают мусорные пакеты, разбрасывают их содержимое. «Собачьи» обязанности этим не заканчиваются. Выяснилось, что они довольно громко и противно твякают по ночам, немало мешая спокойному сну обывателей. Никаких светлых чувств, а тем паче — умиления, они ни у кого не вызывают.

Ещё одна связанная с лисами «прелесть» — риск переноса ими ряда заболеваний, опасных как для домашних животных, так и для людей. В частности, в Арденнах регулярно фиксировались случаи бешенства среди лисьего поголовья. Поэтому как к «милым пушистикам» к ним никто не относится, предпочитая лишний раз не пересекаться и обходить стороной.

На момент моего приезда в Брюссель лис на нашей территории не было. Говорят, они сильно докучали по ночам начальнику. Кроме того, не стоит забывать, что это серьёзный хищник, поэтому они не только ловили крыс, которыми тоже изобилует Брюссель, но и в какой-то момент передушили половину утят на посольском пруду. Последнее обстоятельство якобы и стало той последней каплей, переполнившей чашу терпения тогдашнего посла Л.Ф.Чеснокова, который, несмотря на очевидную животноориентированность, распорядился избавиться от опасного соседства. Сделано это было

гуманно: их отловили представители специальной службы и вывезли за пределы города.

Но свято место пусто не бывает: через несколько лет лисы вновь были замечены на российской территории, благо вход для них безвизовый. Посол к тому моменту сменился, поэтому трогать гостей никто не стал. Те чувствовали себя вполне вольготно, разместившись в вырытых ими норах в недрах курганов, о которых я упоминал выше. Они настолько освоились, что ничуть не стеснялись сотрудников. Отец семейства частенько выходил из-под деревьев, вставал на облюбованную им наблюдательную позицию и внимательно сканировал шедших на обед дипломатов. То ли он на полставки подрабатывал на какие-то бельгийские организации или службы, то ли ему действительно было интересно за нами смотреть, пытаться постичь и понять мятежную русскую душу. Взгляд из-под чётко прорисованных бровей тяжёлый, цепкий и холодный. Однозначно хищник, при этом опасный и беспощадный. Откуда в русском фольклоре появился образ хотя и хитрой, но вполне милой и нежной лисички-сестрички?

Быстро привыкли к людям и лисята, вскорости появившиеся у семейства. Поначалу они робко выглядывали из норы, ожидая появления родителей, а когда подросли, смело возились на полянке перед своим домом. Место для лис оказалось удобным, потомство появлялось каждый год, так что мы с завидной регулярностью фиксировали появление новой

лисьей молодёжи.

В отличие от лебедей, имевших вполне конкретные русские имена, лис почему-то никак не называли. Процесс их «обрусения» не задался. Даже потомство, формально появлявшееся на свет на территории Российской Федерации, российскими лисичками не становилось, оставаясь натовскими фоксами и ренарами («лиса» на английском «fox», на французском – «renard»).

Подбрюшье Европы

В отношении чего я никогда не обольщался, так это бельгийская погода и количество осадков. Не зря страну называют подбрюшьем, иначе говоря – мочевым пузырем Европейского континента. Согласно некоторым данным, Бельгия считается самым дождливым государством, а Брюссель – самым дождливым городом Европы. Среднее количество осадков – 1143 мм. Учёные в таких случаях говорят об их «избыточности». Где-то видел статистику, что дождь в стране идёт приблизительно 7% времени. В моём понимании, это не настолько пугающе. С самого начала мы морально подготовились, что за время командировки вообще ни разу не увидим солнечного света. Честно говоря, худшие опасения не оправдались, солнце порой показывалось на небосклоне. «Страшилки» не во всём оказались правдивыми. Самой солнечной частью слывёт побережье Северного моря. Там, правда, наслаждаться погодой мешает сильный ветер, но мы ведь говорим сейчас об осадках.

Справедливости ради стоит отметить, что многие в череде ассоциаций, связанных с Бельгией, говорили про дожди, промозглость, зябкость и серость. Безусловно, Королевство не является самым солнечным местом на Земле. С другой стороны, в моей жизни были страны, в которых солнце немилосердно палило на протяжении долгих недель, когда мы ме-

сяцами не видели на небе ни одного облачка, поэтому погодное разнообразие после подобного опыта воспринималось нами вполне благосклонно. Пробегающие нескончаемой чередой тяжёлые дождевые тучи порой способствуют появлению меланхолии, ввергают иных граждан в состояние глубокой задумчивости и вялотекущей депрессии, зато сколько прекрасных творений и произведений было создано после взгляда на мокрое оконное стекло, по которому медленно стекают дождевые капельки. Уверен, именно таким видом инспирировались фламандские живописцы, рисовавшие свои мрачные полотна, от одного взгляда на которые меркнут все краски жизни. В том же направлении устремляли свои взгляды бельгийские писатели, книги которых едва ли отличаются жизнелюбием и уверенностью в завтрашнем дне. Так что во всём надо искать положительные моменты, а у природы, как известно, нет плохой погоды.

Что касается самих дождей, то это отдельная тема. В Бельгии крайне редко случаются тропические ливни, такие, чтобы вода стеной. Это из разряда катаклизмов или природных аномалий. Наиболее типичное состояние – это не обычный дождь, от которого уместно спрятаться под зонтом, а постоянная водяная взвесь в воздухе, окружающая со всех сторон. Выходишь из дома, вроде дождя нет, а проходишь считанные метры, и вся одежда с головы до пят мокрая. Как это у природы получается? Спрятаться решительно невозможно. По этой причине местные редко пользуются зонтами. Они

просто бесполезны. Настоящий бельгиец скорее нацепит резиновые сапоги и плотный дождевик. Ещё одна бельгийская особенность – если наш человек, передвигаясь под дождём, невольно ускоряет шаг, то бельгиец никуда торопиться не будет. По всей видимости, это связано с тем, что осадки случаются столь часто, что, если всякий раз ускоряться, рискуешь провести бегом всю жизнь. А такого издевательства над собой размеренные и любящие себя бельгийцы позволить точно не могут.

Пессимисты, нытики, а также граждане с ревматизмом суставов, метеозависимостью, подагрой и иными хроническими заболеваниями регулярно жаловались на чрезмерную влажность (до 80-90%), которая ведёт к появлению плесени, отсыреванию всего и вся, сумасшедшему росту мхов и плюща и иным сопутствующим влаговосприимчивым процессам. Зато обилие осадков гарантирует жизнеутверждающую зелень травы и произрастающих в данной местности вечнозелёных растений, отмытость строений и дорог от пыли, полноводность водоёмов. По этой причине даже машины приходится редко мыть. Что ещё нужно для счастья?

А за своей порцией солнечных ванн бельгийцы привыкли ездить в Италию, Испанию или другие более экзотические места и вполне данным обстоятельством удовлетворяются. При этом все знают, что северный загар очень прилипчив, а животворящие пивные дрожжи, попадающие в организмы местных жителей в составе исправно употребляемых

ими пивных напитков, способствуют восприимчивости кожных покровов обитателей к ультрафиолету. Поэтому в стране полно сильно возрастных дам и престарелых денди, которые больше похожи на шоколадки, хотя не пользуются соляриями и не проводят долгие месяцы на югах, а лишь целыми днями сидят с бокальчиком пива на верандах прибрежных кафе и баров где-нибудь в Остенде, Кнокке или Де Панне. Редкое солнце и сильный ветер делают своё дело.

В общем и целом, климат в Бельгии мне представляется комфортным: немного слегка сильно дождливое и в целом прохладное лето с редкими жаркими днями, которых, правда, по причине глобального потепления климата с каждым годом становится всё больше, мягкая, продолжительная, красивая осень, очень ровная зима со снегом не каждый год, ранняя и растянутая во времени весна с долгим цветением нарциссов, тюльпанов и магнолий. Влияние Северного моря сдерживает колебания температуры. Те немногие дни, когда термометры показывают 30-35 градусов выше нуля, и вся страна встаёт в огромных пробках на автострадах, ведущих к морю, понимаешь, что Бельгия совершенно не приспособлена к жаре: море настолько холодное, что не каждый год прогревается до пригодных для купания показателей, пляжи поганые, курорты условные, кондиционеров мало, а пиво дорогое. Хорошо, что подобные катаклизмы сравнительно редки.

Если вы зададите мне вопрос, в какое время года лучше

всего ехать в Бельгию, чтобы гарантированно не попасть под дождь, ни разу не захлебнуться от сильного ветра в лицо и угадать с одеждой, то я, не моргнув глазом, с полной ответственностью посоветую вам тогда в принципе отказаться от идеи совершать поездку сюда. Для самоуспокоения можете записать, что с научной точки зрения климат в стране умеренно морской, что в практическом плане значит дико изменчивый и непредсказуемый.

А на деле запомните одну простую вещь (во всяком случае, именно так инструктировали меня в своё время старшие товарищи): если вам не нравится погода в Бельгии, то... просто подождите 15 минут. В иные дни вид за окном действительно способен меняться с калейдоскопической скоростью. Ваш зонт всегда будет либо наполовину сух, либо наполовину влажен. Но полностью не высохнет никогда.

Начало

Бытовые вопросы я утряс, к дому привык, на территории освоился, погоду воспринял как данность, можно было приступать к полноценной дипломатической работе, ради которой приехал в Бельгию и за которую получал зарплату.

По распределению обязанностей я ехал на должность пресс-секретаря, руководителя группы информации и прессы, а также должен был заниматься кадровыми и административно-хозяйственными вопросами. Все темы являлись для меня новыми, однако для дипломата подобная ситуация – совершенно нормальное явление. В рамках Министерства мы в угоду обязательной для нашей службы ротации каждые несколько лет вольны полностью изменять профиль работы и называем подобный опыт «расширением горизонтов».

Менял я своего давнего товарища Андрея, с которым начинал в Африке. О наших похождениях, подвигах и приключениях там вдоволь рассказал в книге «Ромашка на баобабе». Так что нам было, о чём вспомнить. Однако передача дел в посольстве – процесс довольно серьёзный, требующий максимальной концентрации, самоотдачи и даже определённой жертвенности. Мой приятель добросовестно познакомил с основными журналистами, передал мне все контакты и тематические досье, отдал пароли для доступа к интернет-сайту, ключи от кабинета, квартиры и машины. Учиты-

вая наши давние добрые, по-настоящему товарищеские отношения, он действительно постарался сделать моё вхождение в курс дела максимально комфортным и быстрым, за что я ему безмерно благодарен, ибо за свою карьеру насмотрелся на достаточное количество примеров менее трепетного и ответственного отношения к сменщикам.

Это было крайне важно с учётом личности тогдашнего посла Луки Фомича Чеснокова, который слыл даже в министерских кругах, привыкших ко многому, если не ко всякому, человеком в высшей степени своеобразным и даже в некоторой степени чуть экзальтированным. Его тихо недолюбливали, кажется, все сотрудники. Не было ни единого дипломата, который мог сказать про него хоть что-то не то, что хорошее, а хотя бы человеческое. До того времени мне практически всегда везло на вполне адекватных руководителей, поэтому, по всей видимости, судьба распорядилась подкинуть мне негативного опыта, чтобы я «не зажирался», впредь ценил хороших начальников и сам имел перед глазами иной пример, дабы ненароком не скопировать подобную парадигму поведения, если самому когда-нибудь будет суждено выбиться «в люди».

Послу была свойственна «запойность» в увлечении той или иной темой. Он не любил заниматься несколькими делами одновременно, многозадачности предпочитал концентрацию на одной, главной, великой в отдельно взятый момент цели. Например, он вдруг начинал усиленно генери-

ровать «гениальные» мысли, касающиеся развития двустороннего экономического сотрудничества. С сумасшедшей скоростью накидывал идеи, множил инициативы, организовывал встречи с деловиками и планировал масштабные мероприятия для бизнес-сообщества. Когда буквально через неделю-другую сотрудники экономгруппы пребывали на грани сумасшествия, в полуобморочном состоянии строчили бесчисленные документы, тезисы и отчёты и находились на последнем издыхании от подобного напора и столь пылкой «любви», он вдруг резко отбрасывал в сторону их растерзанные, полубездыханные тушки, мгновенно теряя интерес к этой проблематике и совершенно не интересуясь практической отдачей от предпринятых героических усилий (начальнику в большей степени был важен сам процесс «через тернии к звёздам»), и переключался, предположим, на соотечественников, культуру, внешнюю или внутреннюю политику. Раз в месяц-полтора дело доходило и до пресс-группы. В такие моменты меня нещадно эксплуатировали на предмет написания бесконечных пресс-релизов, мы ваяли никому не нужные виртуальные интервью посла пресс-службе посольства, что-то концептуально меняли на сайте, придумывали выставки, писали выступления, начинали предлагать наш позиционный материал всем газетам и журналам подряд. Заданий накидывалось ровно столько, чтобы сотрудники корпели над их реализацией, не поднимая головы, до следующего всплеска интереса начальника. Так и жили больше

года, от приступа к приступу.

Чесноков всегда был предельно вежлив, никогда не повышал голос, не позволял себе нецензурную брань. Говорил тихим, вкрадчивым, елейным голосом, от которого по телу пробегали неприятные мурашки и холодок. Лучше бы кричал, ругался и бранился, чем испытывать подобное, когда человека уничтожают вербально, размазывают и унижают словом, ранящим больше иных физических изуверств. Взгляд при этом оставался холодным, пустым и как будто равнодушным, от этого тем более пронизывающим, заглядывающим в самую душу, выкачивающим из тела саму жизнь. Выдержать или скрыться от него было категорически невозможно.

При этом, если рассуждать здраво, объективно и попытаться отбросить в сторону имевшиеся очевидные человеконенавистнические моменты, у Луки Фомича, отличавшегося энциклопедическими знаниями, было чему поучиться в профессиональном плане. Он виртуозно владел слогом, красиво излагал мысли на письме, неплохо выступал перед любой аудиторией, не боялся публичности, замечательно держался в ходе интервью, знал особенности работы «на камеру», умел филигранно сдерживать натиск и даже элегантно осаживать особо наглых журналистов.

Посол к тому же был полиглотом, одинаково свободно разговаривавшим как минимум на английском и французском. Говорят, он в каждой своей командировке изучал местный язык. Насколько это соответствовало действитель-

ности, доподлинно гарантировать не могу, но лишь подтверждаю, что за время пребывания в Бельгии он успел освоить ещё и нидерландский на вполне приличном уровне. Этим он располагал к себе многих иностранцев, а в особенной степени – представителей фламандского бизнес-сообщества. Однако свойственная ему витиевато-иезуитская манера общения с подчиненными вызвала абсолютно противоположные чувства страха и ненависти внутри коллектива. Уважать профессионализм на фоне отсутствия нормальных человеческих качеств никак не получалось. Поэтому каждый вызов в кабинет руководителя воспринимался как поход на Голгофу, а пребывание в нём становилось жесточайшей пыткой и завершалось рядом очередных замысловатых унижений.

В итоге атмосфера в коллективе царила напряжённая, люди жили в перманентном ожидании новой встряски.

Работа

После отъезда моего предшественника я заступил на вахту пресс-секретаря посольства. Журналистского образования у меня, естественно, не было, никаких особых курсов для выезжающих на такие должности тогда в МИД России не проводилось. Кое-какими секретами успел поделиться мой товарищ, но основную часть премудростей всё-таки предстояло осваивать самостоятельно, зачастую путём проб и ошибок. На данном поприще, несмотря на имеющиеся шаблоны и рекомендации, имеется слишком много нюансов, которые требуют внимания и учёта. Но я был полон сил, энергии и, главное, желания осваивать новые профессиональные горизонты.

Роль пресс-секретаря подразумевает публичность, то есть я был обязан иметь знакомства во всех сферах, и меня должны были знать максимально широко. Стать звездой теле- или радиоэфиров, как в своё время в Сенегале и Гамбии, мне в Бельгии было не суждено. Возможно, это даже к лучшему, так как лишняя популярность и медийность в Европе чревата скорее проблемами, чем некими условными профессиональными дивидендами. Зато стать своим в журналистской среде получилось довольно быстро.

Одной из важных задач руководителя пресс-службы является мониторинг национальных СМИ. Я не без интереса

погрузился в бельгийскую прессу. Первую бельгийскую газету я купил ещё в XX веке, когда впервые попал в Брюссель студентом. Мне понравилось броское название «La Libre Belgique» («Свободная Бельгия») и хотелось изучить, чем живёт страна. Тогда бросилась в глаза отличная от центральных французских изданий вроде «Монд», «Фигаро», «Либерасьон», журнала «Пари Матч», статьи из которых мы изучали в университете на занятиях по французскому, подача материала, забавная и во многом, как тогда показалось, наивная «местечковость» большинства освещавшихся тем, иная компоновка материала, скверные иллюстрации, некоторые лингвистические «фишки».

Отныне на долгие шесть лет с прочтения местной прессы начиналось каждое моё утро, и смотрел я на неё уже не как на диковинку, а как на рабочий материал. Постепенно помимо франкоязычных газет «Суар», «Либр Бельжик», «Эко», «Дерньер Ёр» начал вполне сносно читать и понимать фламандскую прессу, выписывал «Стандаард», «Морхен», «Тейд», «Хет Лаатсте Ниувс», журнал «Кнак». Начитался на всю жизнь вперёд, втёр в пальцы килограммы типографской краски, вырезал сотни статей, поэтому ничуть не жалею, что бумажный формат в СМИ стремительно уступает место цифровому.

Самым первым мероприятием, которое я провёл в новом качестве, стала ответственная пресс-конференция всемирно известного российского дирижёра В.А.Гергиева в резиден-

ции нашего посла. Благо, мой предшественник успел до своего отъезда всех пригласить, иначе я бы с этой задачей не справился. Зато именно там я со многими своими будущими подопечными и друзьями скопом и перезнакомился.

Дело было после событий в Южной Осетии, и Валерий Абисалович оказался в числе тех немногих «говорящих голов», которые могли встать перед камерами, в том числе иностранных СМИ, и внятно озвучить нашу позицию. Этим своим качеством маэстро, с которым я встретился впервые, произвёл неизгладимое впечатление. Также его отличали серьёзность подхода к делу, профессионализм и гражданская ответственность. Он оказался человеком очень сопереживающим и искренним, что, как мне показалось, передавалось журналистам. Все видели кадры его выступления с оркестром Мариинского театра на главной площади Цхинвала, разрушенного во время грузинской агрессии. Получилось донести взгляд глазами очевидца. Ему безусловно верили, он умел убеждать, без напора и эмоций, спокойно и методично рассказывая о том, что пережили его народ и он лично. Гергиев полностью завладел вниманием аудитории и грамотно отвечал на вопросы. Моё присутствие рядом с ним в большей степени было нужно мне, чем ему. Подозреваю, что аналогичных пресс-конференций он за свою жизнь дал сотни, а мне было полезно поучиться этому умению, да ещё и «засветиться» рядом со столь известным человеком перед новой для меня журналистской аудиторией, с которой впослед-

ствии предстояло плотно работать.

Однако не обошлось и без небольших «косяков». У меня соответствующий опыт отсутствовал, а из товарищей никто не подсказал, что основной принцип работы с журналистами – убедиться, что пишущая и снимающая братия накормлена и напоена. Голодный журналист – злой журналист. Это аксиома, непреложная истина. Обещание фуршета – гарантия явки вечно голодных работников масс-медиа, а также оперативной обработки материала. Едва ли еда влияет на благосклонность корреспондентов, зато напитки вполне способны слегка скорректировать общее впечатление о мероприятии и чуть-чуть смягчить тональность репортажей. Увы, вви-

ду отсутствия пресловутого угощения на встрече с Гергиевым, пришлось выслушать шуточные подтрунивания на сей счёт от аксакалов журналистского корпуса, которые со свойственным им изяществом и цинизмом вдоволь поиздевались над молодым дипломатом. Зато я получил ценные первичные знания необходимости трепетного отношения к моим новым подопечным.

Насчёт кормежки журналистов это, конечно же, шутки. Главное – уважение и умение слушать и слышать. Я всегда уважал журналистов, даже тех, кто писал или говорил про нас не самые лицеприятные вещи. Каждый выполняет свою работу, у каждого своя правда, свои мотивы и резоны, которые требуется понять. Именно это я и стремился делать, порой небезуспешно, на личных отношениях решая многие щепетильные вопросы, отзывая публикации или давая опровержения, добываясь своей правды, ничуть не унижая достоинств и чувств оппонентов.

Пресс-секретарь российской дипмиссии в Брюсселе был вполне заметной личностью в узких кругах: меня знали все наши журналисты, работавшие в Бельгии и окрестностях, представители бельгийских СМИ, соотечественники, для многих из которых я становился одним из связующих звеньев с посольством, отвечая за сайт, соцсети и вообще освещение всего, что только можно.

С российскими журналистами, как правило, устанавливались самые тесные, практически семейные отношения. Я для

них превращался в бюро добрых услуг, помогая с отправкой посылок в Москву, водя без очереди в консульский отдел, организовывая комментарии по поводу и без. Со многими это перерастало в настоящую дружбу. А с учётом того, что в силу своей профессии журналисты в принципе очень легко сходятся с людьми, то уже через пару-тройку встреч общались как старые добрые друзья. Кроме того, покрутившись немного в этой среде, потом начинаешь легко находить общих знакомых, что убыстряет процесс сближения.

Забавный случай произошёл с журналистом Славой, которого я недолго застал в качестве шефа бюро одной нашей телекомпании в Брюсселе. За окном был вечер, мы с женой неспешно бродили по торговому центру, вдруг звонок от моего друга Жени, с которым у нас сложились самые тёплые отношения ещё в бытность его оператором телеканала у Славы. К тому моменту Женя уже давно перебрался в Париж и трудился на другое СМИ, поэтому довольно неожиданно было услышать от него знакомую фамилию.

- Дружище, помнишь Славу? – накинулся на меня Женя.

- Конечно, я его помню! – я даже немного обиделся, в забывчивости меня обвинить сложно, хотя Слава уже пару лет как уехал в Москву.

- Тогда выручай, дружище! Славка в беде!

Женя поведал историю о том, что тот надумал жениться, однако решил сделать это в одном из наших посольств в Латинской Америке, где его приятель работал заведующим

консульским отделом. Красивая идея, однако что-то пошло не так. То ли посол не разрешил, то ли ещё какая-то наклад-ка, но в сухом остатке сейчас, мол, Слава сидит в аэропорту одной из латиноамериканских столиц в ожидании рейса на Амстердам, где у него пересадка на самолёт до Москвы. Да-ма сердца чувствует себя обманутой и говорит, что если она вернётся домой без кольца и официального статуса, то бро-сит Славу, а новая ячейка общества развалится, так и не со-здавшись. Отчаявшийся жених хочет воспользоваться вре-менем пересадки для заключения брака в ближайшем нашем консульстве.

Ну и задачка! Очень хотелось помочь молодожёнам. Но зачем ехать из Амстердама в Брюссель, если ближе есть Ант-верпен и Гаага? Недолго думая, я набрал номер советни-ка-посланника в Нидерландах, который до этого был послан-ником у нас и прекрасно помнил Славу. С ходу продумали операцию: молодые прилетают в Голландию, прыгают в так-си, мчат в посольство, они должны были попасть на обеден-ный перерыв, поэтому консульский отдел задержит кассир-шу для оплаты консульского сбора, оформляют свидетель-ство о браке, фотографируются на фоне флага. Коллега да-же пообещал налить им шампанского! Самое удивительное в этой истории то, что она оказалась со счастливым концом: бракосочетание состоялось, семью создали, шампанское на-лили, ребёнка родили.

Звонивший по поводу Славы оператор Женя, фактурой

похожий на Портоса, абсолютно уникальный человечище, с огромным сердцем и бескрайней душой. С ним мы подружались очень крепко. Жаль, что он переехал в Париж, а всякий раз, когда я собирался к нему в гости, он сбегал в очередную командировку. Вынужден признаться, я был ничуть на него за это не в обиде, так как этот щедрейшей души человек оставлял у консьержки ключи от своей огромной четырёхкомнатной квартиры недалеко от площади Звезды. Я с трудом загонял свою Ауди в его подземный, очень французский гараж, рассчитанный на малолитражные Рено-Пежо-Ситроены, мы заселялись в эти хоромы, купались вином и сырами и пару-тройку дней вели жизнь настоящих парижан. Внизу был бар на случай, если не хватило еды или настроения, в открытые окна неслась динамичная музыка, врываются звуки французской столицы. Выходя из подъезда, мы взглядами упирались в боковину Триумфальной арки. Это был нереальный кайф, который нам даровал Женя. Он навсегда остался для меня источником чего-то праздничного, поэтому неизменно радуюсь, когда слышу его голос по телефону или получаю фотоприветы из разных точек мира.

Самые нежные чувства всегда питал к Насте, которая возглавила бюро нашей телерадиокомпании после Славы. Она приехала в Брюссель в статусе звезды, получив из рук Президента медаль «За отвагу», которую заработала в Сирии. Однако в ней, весёлой, легкой, задорной, не было ни капли звёздности. Классная девчонка, боевая, озорная, готовая на

любую авантюру. Познакомился и подружился с её мужем. Ездили к ней в роддом, когда родилась её старшая дочка. Потом встречались с ней в Москве, она даже приезжала к нам в гости.

Хорошие отношения сложились также с её весёлым, неунывающим, неугомонным оператором Ильёй, который каждую свободную минуту использовал для ползания по кустам в поисках «перебивочек» в виде красивых кадров какой-нибудь паутинки с каплями росы или жухлого листочка, гонимого ветром.

Среди журналистского корпуса наличествовали и свои «аксакалы», представители старшего поколения, начинавшие ещё в советские годы: Виктор, Леонид, Александр. Все трое годились мне в отцы. Виктор всё время казался крайне недовольным собой, жизнью, погодой, работой. Эдакий сварливый дед, однако в душе – отзывчивый и человечный. Леонид, наоборот, всегда источал оптимизм, даже если поводов для такового особо не наблюдалось. Он меня в шутку называл «Жоржем Викторовичем», ласково подтрунивая над моей молодостью и неопытностью. Александр – опытный кадр, типичный представитель журналиста-международника старой школы, в своё время вдоволь наездившийся по странам Юго-Восточной Азии.

Из более молодых особенное уважение вызывал человек необычайной работоспособности, представитель ИТАР-ТАСС Денис, с которым действительно немало вместе по-

трудились. Александр из РИА-Новости, красавица-спортсменка Регина, работавшая на «Россию». Было много разовых встреч, которые перешли в поддержание контактов, с ребятами из различных СМИ, приезжавшими под визиты на высшем уровне или для съёмок какого-то конкретного репортажа.

Любимым, «намоленным» журналистским местом стал один из самых старых баров Брюсселя «Au Vieux Spijrtigen Duivel» («У старого падшего ангела»), которому более пяти-сот лет. Туда любили заходить император Карл V, Виктор Гюго, Шарль Бодлер и... представители российских СМИ. Там всегда брали «витамин» – разливное пиво Вестмалле. С лёгкой руки наших журналистов так его стали называть даже бармены-бельгийцы. В этом баре регулярно устраивались общие отмечания радостных событий, проставы и проходили дружеские посиделки. Именно в этом месте я прощался с ребятами, устроив отходную, когда уезжал из Брюсселя.

Венцом моего признания и доказательством принадлежности к журналистскому сообществу стала корочка члена Союза журналистов России с огромными буквами «PRESS», которую мне от имени и по поручению товарищей торжественно вручил Леонид. Я ни разу ей не воспользовался, однако было невероятно приятно ощутить, что для этих весёлых, остроумных, разносторонних людей я хотя бы в некоторой степени смог стать своим.

Журналистская братия, конечно же, не ограничивалась

только российскими представителями. Было много встреч и с бельгийцами, но, естественно, большой душевной теплотой они не отличались. Подавляющее большинство относилось настороженно и даже с недоверием, видя во мне элемент российской пропаганды. Часто контакты были разовыми, для получения какого-то точечного материала, что не предполагает особой сердечной близости.

Одним из немногих исключений стал, пожалуй, лишь Ян, корреспондент фламандского телеканала «VRT», на мой взгляд, ведущий эксперт по России на бельгийском телевидении, хорошо владеющий русским языком. Когда-то он работал в Москве собственным корреспондентом фламандского телевидения и по итогам совместно с другим телевизионщиком Стефаном написал книгу воспоминаний «Назад в СССР» («Back to USSR»), экземпляр которой с дарственной надписью мне был торжественно преподнесён. С Яном мы общались очень долго, пересекались во время его поездок в Москву. Мне всегда нравилось в нём то, что он пытался понять Россию, разобраться в любом событии, чтобы донести до своих зрителей максимально, по его мнению, объективную оценку. Его видение не всегда совпадало с нашим, однако я ценил в Яне честность и высочайший профессионализм.

У него был только один недостаток – европейская наивность. Годы работы и общения с россиянами так и не смогли искоренить в нём эту черту. Однажды мы направили его в уникальный пресс-тур в один из российских регионов на Се-

верном Кавказе. Высоченный, худющий, немного нескладный Ян, похожий на богомола, отличился тем, что в какой-то момент вдруг с бельгийской простотой начал задавать вопросы про соблюдение прав человека. Сопровождавшие его официальные лица были несколько удивлены подобным поворотом событий, однако удачно отшутились в ответ, озадачив, в свою очередь, несклёпистого иностранца. Когда же я позвонил Яну и деликатно разъяснил, насколько неоднозначной была ситуация, он даже не понял сути произошедшего: «Я ведь журналист и просто задал вопрос». Святая простота...

Благодаря Яну я впервые побывал на телевидении, в студии новостей «VRT», посмотрел на процесс создания «картинки». На самом деле, с учётом сдержанного отношения посла к журналистам, особенно телевизионщикам, мне был предоставлен полный карт-бланш в общении со СМИ, поэтому посчастливилось попробовать себя и на ТВ, и на радио, и в письменных интервью.

Вторым исключением стала симпатичная и очень энергичная журналистка, сотрудничавшая с основной финансовой франкоязычной газетой «Эко», с русским именем Татьяна. Её мать была русского происхождения, а муж, с которым она позже развелась, – белорусом. Говорила по-русски неплохо, но с заметным акцентом. Она доблестно рассказывала настолько неплохие вещи про Россию, что на неё тут же навешали все возможные ярлыки. Это, однако, ничуть

не остужало её правдолюбие. Мне даже приходилось сдерживать её чистосердечные порывы, честно предупреждая о возможных последствиях. Я оказался прав, и через какое-то время она всё же ушла из издания, подавшись в политику в рядах одной из оппозиционных партий. Мы долго с ней переписывались и поддерживали контакты через соцсети.

Интересна история политолога Нины Башкатов, которая являлась крупным и весьма авторитетным специалистом по России и постсоветскому пространству. Её отцом был Иван Башкатов, советский военнопленный, сбежавший из немецкого трудового лагеря в Бельгии, воевавший в рядах бельгийских партизан, заслуженный и официально всеми признанный ветеран. Нина регулярно давала комментарии различным СМИ по поводу нашей страны, совместно со своим мужем издавала политологический бюллетень. Её оценки не всегда были лицеприятными, но она всячески стремилась к объективности, которую себе представляла, за что и снискала в том числе и моё уважение. Мы всегда очень тепло общались, мне довелось бывать у них в гостях и слушать рассказы её супруга британца Эндрю, который был много старше неё, любившего под рюмочку обожаемого им шерри со смехом вспоминать, как он, будучи солдатом британской армии, на броне танка въезжал в 1944 году в Брюссель.

Сайт и соцсети

Приехав в Бельгию, я впервые столкнулся с необходимостью вести сайт. Совершенно новое дело вкупе со специфическими задачами от посла Чеснокова изрядно отравляло мне жизнь первые полгода в Бельгии. Посольский интернет-сайт считался прогрессивным, разработанным компанией специально для посольства. В ту пору не существовало шаблона для интернет-страниц росзагранучреждений, тогда лишь начали задумываться об их унификации и выработке единого внешнего вида и стандарта наполнения. Мне же достался добротный материал, однако созданный не мной, поэтому в некоторой степени чуждый. Но работу надо было выполнять, поэтому приходилось развивать то, что имелось. Я слегка подшаманил на свой вкус структуру, расширил кое-какие рубрики, кое-что немного усовершенствовал. Этого оказалось достаточным, чтобы усилия были замечены Центром. На следующий год наше детище заняло одно из призовых мест среди всех сайтов российских посольств. Посол возрадовался, а мне вынесли первую в жизни благодарность приказом по Министерству иностранных дел. Самым положительным моментом стало то, что победители на три следующих года отстранялись от участия в конкурсе, поэтому про сайт можно было временно забыть.

Вспоминая работу в Бельгии, не могу не упомянуть про

такое зло как соцсети. Я попал в них капитально, ибо это был период первых опытов нашего внешнеполитического ведомства на данном направлении. Москва всячески выгоняла на это неизведанное пространство наши посольства, многие из которых всеми силами сопротивлялись новой тенденции, не видя в ней тогда никакой прикладной пользы. Наша же точка оказалась в числе «передовиков производства», став одними из первых и активных пользователей наиболее популярных соцсетей, где мы завели официальные аккаунты. Честно говоря, поначалу я тоже не относился к числу ярых адептов новой формы работы, однако увидел, что она востребована аудиторией, которая без особой рекламы стабильно увеличивалась. Постепенно пошла интересная обратная связь: люди комментировали наши сообщения, лайкали и шерили их (да-да, пришлось осваивать и новые лингвистические реалии), делились своими новостями, просили подсветить какие-то события, присылали объявления о русскоязычных школах, детских кружках, концертах, общих праздниках. Посольство как никогда ранее вовлекалось в круговорот интенсивной жизни русскоязычной диаспоры. Мы осознали, что делаем хорошее и нужное дело, объединяющее людей. Задачу облегчало то, что посол, успокоенный благожелательной реакцией Центра на наши потуги, полностью мне доверял в этом вопросе, который он продолжал считать чуть ли не общественной нагрузкой, предоставив значительную свободу действий, без необходимости согласования каждого поста.

Вместе с коллегами из Департамента информации и печати МИД России мы осваивали премудрости этой деятельности, пробовали различные стратегии, порой довольно сумасшедшие креатива. Во многом наш опыт оказывался новаторским, приятно было ощущать себя в некоторой степени первопроходцами, как минимум осознавать причастность к чему-то важному. В первой методичке, которую разослал Центр по работе в соцсетях, мы несколько раз упоминались в качестве удачных примеров. Это было интересно и мотивировало. На деле же выливалось в напряжённое, постоянное, практически круглосуточное и от этого весьма изматывающее отслеживание новостных лент и поиск контента. Из приятного – постоянный рост числа подписчиков, что говорило о востребованности того, что мы размещали. Ну а постоянный недосып и резь в глазах от долговременного контакта с компьютерным экраном в ночное время, когда руки после всех дел в посольстве наконец-то доходили до этой части деятельности, а все домашние уже спали, воспринимались как досадный, но не смертельный побочный эффект. К таковым, кстати, относилась и устойчивая изжога к соцсетям, воцарившаяся в моём сознании на несколько лет после командировки.

Апофеозом этой «карьеры» стала большая передача на одном из фламандских телеканалов про Твиттер-дипломатию (они даже термин выдумали – «twiplomasy»), только становившуюся тогда одним из инструментов работы ведущих

внешнеполитических ведомств мира. Главными действующими лицами стали ваш покорный слуга и посол Великобритании в Бельгии, с которым я был прекрасно знаком ввиду того, что мы оба водили по субботам детей в русскую школу. Оказалось, что главный британский дипломат всея Бельгии был женат на русскоязычной гражданке Казахстана и ничуть не стеснялся того, что его дети усиленно изучали язык матери. На протяжении всей передачи нас показывали поочередно и рассказывали про достижения в этом новом виде дипломатической активности. Чем не признание заслуг?

Выступления

Сколько себя помнил, я был очень скромным и застенчивым. Родители ужасно мучились со мной в детстве. Я стеснялся к кому-либо подойти, а уж тем более обратиться к незнакомцу, с трудом ходил в детский сад, меня брала оторопь при виде Деда Мороза, рыдал 1 сентября на линейке, когда меня отправили в первый класс. И так во всём. В подростковом возрасте я осознал это прегрешение и решил с ним бороться: играл в радио, записывал себя на плёнку, пытался быть менее скованным и «диким». Раскрепощению в значительной степени способствовала стажировка в Париже на четвёртом курсе университета, далее было участие в студенческих конференциях, работа стендистом на нескольких авиашоу. Итогом стал человек, которого хлебом не корми – дай выступить перед любой аудиторией.

В Бельгии довелось по-настоящему начать оттачивать навык публичных выступлений. Имевшийся до этого эпизодический опыт докладов, прямого эфира на радио, плясок с бубнами перед школьниками в Сенегале был хорош, но недостаточен для того, чтобы записать его в актив. Отныне требовалось подходить к этому вопросу на качественно ином уровне с учётом возложенных функций пресс-секретаря российского посольства и сравнительно высокой дипломатической должности.

Полученное в университете педагогическое образование научило не бояться публики, необходимо было лишь закрепить это на деле. Для начала вспомнил педагогическую практику в МГЛУ и потренировался на учениках школы при посольстве, дав несколько открытых уроков. Впоследствии перешёл на другую знакомую аудиторию – студентов.

За время командировки много где пришлось выступать, на разных по сложности площадках и для различной аудитории. Наиболее любимым форматом стало общение с молодёжью, студентами: всегда остро, непредсказуемо, не по правилам, зато живо и с прекрасной обратной связью. Они, конечно, обычно непредсказуемы в своей реакции и в вопросах, которые способны задать, зато гораздо более восприимчивы к новым для себя идеям, менее зашорены, способны вместе рассуждать и мыслить. Я сам помню, насколько нам в МГЛУ нравилось, если приезжали носители языка, «свежее мясо», поэтому самоотверженно принимал удар на себя и реагировал на все просьбы о выступлениях в университетах Брюсселя, Гента, Лёвена, Монса. Это гораздо интереснее, чем стоять и держать удар перед академическими или политологическими кругами, которые в силу их чопорности и всезнайства крайне сложно переубедить. Но случалось выходить на сцену и перед такой серьёзной профессиональной аудиторией, участвовать в нешуточной полемике в крайне враждебном окружении, да ещё и «под камеры». Тематика варьировалась от незатейливых бесед о профессии диплома-

та, достижениях в двусторонних отношениях, инвестиционной или туристической привлекательности России, разговоров о военно-мемориальной работе, до серьёзных диспутов по самым животрепещущим аспектам мировой внешней политики, коих всегда хватает.

Я старался привлекать к данному виду деятельности всех дипломатов: молодёжь тренировалась на учениках посольской школы, более опытные посещали вузы, мастодонты — ехали на дискуссионные площадки рубиться с матёрыми политологами. Отдача была колоссальная: всем хотелось послушать живого российского диппредставителя, услышать и понять альтернативную для себя точку зрения, задать вопрос. Мы, конечно, не собирали стадионы, но человек по 150-200 иной раз приходило.

К 160-ЛЕТИЮ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
РОССИЕЙ И БЕЛГИЕЙ

Общение со студентами Университетов Монса и Лёвена

Следующим этапом стали выступления на радио. Одно время меня активно записывала французская редакция радио «Спутник». С технической точки зрения это было довольно просто: материал шёл в эфир в записи, после обработки редактором, то есть в подчищенном виде. На деле это

означало, что все мэканья, бэканья и паузы аккуратно вырежут, и речь будет звучать более складно, чем в оригинале. Оставалось лишь говорить интересные для слушателей вещи, но это отдельная история.

Гораздо более интересным оказался опыт двух часов прямого эфира с послом Чесноковым на радио еврейской общины Бельгии «Джудаика» по политической проблематике с двумя ведущими-политологами, которые задавали самые зубодробительные вопросы.

Однажды на протокольном мероприятии одна из приятельниц представила мне приятную даму лет на двадцать старше меня, которая оказалась журналисткой радио «Джудаика». Мне про такое слышать не доводилось, поэтому моя новая знакомая с удовольствием пояснила, что речь идёт о франкоязычной радиостанции, относящейся к местной еврейской общине, которая в Бельгии отличается авторитетностью и влиянием в силу контроля определённой части банковского сектора и алмазной индустрии. Любое общение с журналистом неизбежно ведёт к быстрому появлению новых идей. Эта братия, в отличие от дипломатов, предпочитающих воздерживаться от скоропалительных решений и тем более действий, весьма контактна, конкретна, практична и оперативна. Авива, так звали мою новую подружку, тут же взяла меня в оборот и предложила реализовать какой-нибудь проект с посольством. Она тут же шустро накидала насколько свежих мыслей. Особенно многообещающей ей показался

формат организации участия посла в аналитическом шоу. Не будучи в состоянии мгновенно подтвердить готовность российской дипмиссии к предложенной форме сотрудничества, взял паузу, втайне надеясь «замотать» вопрос. Авива же оказалась в высшей степени настырной, настоящим журналистом и на протяжении недели постоянно напоминала мне про свербивший у неё вопрос. Она настолько меня измордовала, что пришлось почитать про «Джудаику» в интернете, найти её в радиоэфире и послушать пару передач. Ничего откровенно крамольного я не обнаружил, поэтому в пятницу пошёл докладывать послу про появившийся запрос. Тот отреагировал на удивление позитивно. Видимо я попал на начало очередного всплеска интереса к информработе. За выходные начальник тоже ознакомился с творчеством радиостанции, поэтому с утра в понедельник вызвал меня к себе в кабинет и поручил срочно связаться с Авивой для подтверждения его готовности к сотрудничеству.

Сказано – сделано. Та несказанно возрадовалась редкой удаче затащить в гости интересного спикера. Итогом переговоров стало предложение провести целых два часа вечернего прямого эфира из студии с участием двух ведущих. Как водится, запросили вопросы для обсуждения. Нам их дали, однако число таковых показалось весьма скромным, да и звучали они на удивление нейтрально. Я заподозрил некий подвох, однако посол был готов ринуться в бой, его ничего не пугало: французским он владел хорошо, политической по-

весткой дня — ещё лучше. Он даже тезисов от меня никаких не потребовал, а лишь сам что-то распечатал на паре страничек.

Мы прибыли на эфир чуть заранее, чтобы познакомиться с ведущими и привыкнуть к студии. Вначале короткий инструктаж от техника относительно оборудования и специфики прямого эфира. Затем появились два слащаво улыбавшихся и весьма расслабленно державшихся субъекта хищной наружности. Лично у меня изначально никаких иллюзий относительно предстоящей экзекуции не было, а внешний вид типов лишь подтвердил худшие опасения: сейчас начнётся «избиение младенца».

Нас с Авивой усадили в уголке студии, даже надели наушники, однако строго-настрого наказали не вмешиваться в процесс. Ну, понеслось!

Посол взирал на ведущих с интересом, явно изучая их психологические портреты. Они тоже пытались перед эфиром срисовать его психотип. До начала работы беседа лилась аки мёд, имела в высшей степени куртуазный характер и изобиловала велеречивыми оборотами. Однако едва загорелась красная лампочка выхода в прямой эфир, ведущих будто подменили, и они бросились в атаку. Подобно двум коршунам, они накинулись на моего начальника, соревнуясь между собой в остроте вопросов и стремлении первым вывести русского гостя из равновесия. Посол реагировал на удивление спокойно, выверено и аргументированно, методично

разжёвывая каждый тезис и красиво осаживая своих оппонентов, когда они излишне зарывались. Журналисты были явно обескуражены. Их кавалерийский наскок не сработал. Через полчаса, убедившись в тщетности своих попыток придать диалогу скандальное звучание, они сменили тактику и чудесным образом перераспределили роли: один неожиданно стал добрым полицейским, второй остался злым. Подобная трансформация не произвела на посла ровным счетом никакого впечатления, он продолжил гнуть свою линию.

Наблюдать за противостоянием со стороны оказалось делом увлекательным и полезным с профессиональной точки зрения. Я невольно отдавал должное выдержке посла и умению владеть словом. Насколько филигранно и уверенно у него получалось справляться с непростой ситуацией.

- Господин Чесноков прекрасен! – не выдержала сидевшая молча рядом со мной Авива.

- Вы полагаете? – деланно удивился я.

- Эти двое – лучшие наши журналисты. Кого они за время своей карьеры только не «кололи», – заверила она меня шепотом.

- Прямо так и «кололи»... – я нахмурился.

- Так ведь у них основная задача состоит в том, чтобы разозлить собеседника и учинить скандал. Их специально ставили на русского.

- Что же вы меня раньше не предупредили? – слегка поддел я свою подружку.

- Вы бы тогда точно отказались от участия, – честно призналась Авива, – Зато сейчас, в прямом эфире посол столь органичен и убедителен. Этот орешек оказался явно не по зубам нашим профи. Будет им наука!

Мне показалась, что неудаче коллег Авива радовалась даже больше, чем я.

Два часа пролетели не удивление стремительно. На выходе из студии посол казался свежим и довольным, даже мило улыбался, что в обычной жизни ему было несвойственно. Его оппоненты-кровапийцы выглядели опустошёнными и измождёнными собственной желчью. Тем не менее, они нашли в себе мужество вежливо и даже тепло попрощаться с гостем и отдать должное продемонстрированному им высочайшему самоконтролю и профессионализму. Согласитесь, встретить достойного соперника и знатно схлестнуться с ним – это тоже определённое наслаждение.

Мы же с Авивой до сих пор сохранили контакт, общаемся и тепло переписываемся.

За шесть лет работы случались и телеинтервью, и комментарии СМИ по актуальным вопросам, и выходы в прямой эфир по телефону, и репортажи для различных программ, и даже минифильм со мной в главной роли про поиск воинских захоронений. Пригодился опыт подростковых игр в радиостанцию, работы с голосом и борьбы со словами-паразитами. Помню, насколько мне не понравилось собственное звучание, когда впервые услышал себя на диктофоне. С

тех пор стараюсь следить за речью, на каком бы языке ни вещал. «Говорящей головой» или блестящим оратором, как иные мои коллеги-дипломаты, не стал, но способен, на мой взгляд, сравнительно стройно выступить перед микрофоном или телекамерой, не хуже французских фермеров, про достойное подражания красноречие которых я всегда вспоминаю, когда надо уговорить коллег на очередное выступление. Дело в том, что франкофоны (как французы, так и валлоны) – великолепные ораторы и способны благодаря своему не перестающему восхищать меня поистине виртуозному красноречию захватывающе подать любой материал. «Виной» подобному умению вовсе не уникальные природные данные, а уроки красноречия в школе, на которых детей учат грамотно и смело выступать перед аудиторией. Недостижимым же ориентиром при собственных выступлениях для меня продолжает оставаться французская университетская профессура. Вот та высота, до которой мне вряд ли удастся когда-либо дотянуться.

Конец Чеснокова

Посол Чесноков любил ставить дипломатов в неудобное положение и проверять их на прочность. Одним из его любимых приемов было за считанные минуты до конца рабочего дня пригласить в свой кабинет кого-то из старших дипломатов, усадить за ноутбук и начать быстро, с упоением надиктовывать какой-нибудь документ. Сотрудник выступал в качестве машинистки, и начальник гневался, если скорость печати была, по его мнению, не слишком высока. Параллельно нещадно, но без употребления нецензурных слов критиковал за отсутствие собственных мыслей, неумение видеть текст «наперёд» и предугадывать мысли руководства. Унижать он умел и любил, делал это самозабвенно, явно получая удовольствие как от самого процесса, так и от созерцания человеческих мук и страданий.

Ситуация осложнялась тем, что в последние месяцы своего пребывания посол проходил курс лечения, который отражался на его внешности, особенно на причёске, которая клоками исчезала. Он весьма нервно реагировал на любой намёк в отношении этого обстоятельства. Приходилось вести себя крайне аккуратно и стараться не поднимать взгляд выше бровей, что являлось задачей практически невыполнимой. Нервозность обстановки тем самым ещё более накалялась, превращая общую атмосферу в ад. Отъезда посла жда-

ли со всё возрастающим нетерпением.

Спасало то, что противостояние начальству сильно сплачивало весь остальной коллектив. Дипломаты подобрались очень достойные и профессиональные. Мы поддерживали друг друга, совместно отбиваясь от наиболее одиозных выходов посла или, как минимум, выстраивали единую линию психологической защиты, чтобы не сойти с ума.

Как только Чесноков уехал, мы направились в его резиденцию, чтобы оценить масштаб ремонтных работ, которые предстояло произвести до приезда нового руководителя. Лука Фомич, который вёл затворнический образ жизни, к себе никого, кроме уборщицы, не пускал, даже представителей инженерной группы. Если честно, мы были удивлены скромностью мебелировки и плохим ремонтом, плесенью на стенах и отваливающимися обоями, оборванными шторами и неработающей сантехникой. Работа по приведению резиденции в надлежащее состояние предстояла колоссальная. Я предполагал, что его сменщик с присущим ему и его супруге вкусом и любовью к интерьерам вообще всё переделают, но изначально их надо было заселить в более-менее приличные апартаменты. Пришлось связываться с будущим руководителем и честно описывать нынешнее состояние резиденции.

Новым послом был назначен хорошо мне известный Роман Олегович Манов, с которым я имел удовольствие работать в Дакаре и в Москве. Оказавшись в некоторой степени «засланным казачком», я ориентировал его относитель-

но положения дел в посольстве, вынужден был огорчить и в отношении состояния квартиры. У меня сложилось стойкое впечатление, что Р.О.Манов мне так до конца не поверил, полагая, что я преувеличиваю масштаб бедствия, что всё может быть настолько плачевным. Убедился он в правоте моих слов и оценок, лишь приехав на место. Даже бывалый Роман Олегович был поражен упадком всего хозяйства, затрапезностью резиденции, запущенностью служебных помещений, убитостью автопарка и дикостью зарослей на территории. Они с супругой в очередной раз в своей дипломатической судьбе вздохнули, закатали рукава и с энтузиазмом приступили к исправлению ситуации.

С приходом нового посла Р.О.Манова климат в посольском коллективе мгновенно поменялся. Так я в третий раз в своей жизни оказался под его началом, о чём ни разу не пожалел. В посольстве все выдохнули с облегчением после появления Романа Олеговича. Дипломаты перестали заниматься эфемерными проектами, переключившись на более земные, привычные, конкретные и полезные задачи.

На фоне чопорного и отстраненно-холодного Луки Фоми-ча открытый, жизнерадостный, дружелюбный и улыбчивый посол мгновенно завоевал сердца проживавших в Бельгии соотечественников, а также наших бельгийских партнеров. Люди сами к нему потянулись, искренне прикипая душой к чете Мановых. Знаю, что потом со многими из них контакты поддерживались на протяжении долгих лет. Новый началь-

ник оказался гораздо более открытым для общения и новых инициатив, ему хотелось верить, его энергией заряжались. О Мановых весьма тепло отзывались и с ностальгией вспоминали даже через несколько лет после их отъезда из Брюсселя.

Роман Олегович серьёзно обновил дипсостав, с ним приехало несколько человек из центрального аппарата Министерства. Появилось много новых сотрудников и среди административно-технического персонала, часть из которых была знакома мне ещё по Сенегалу. Тот факт, что с послом приезжает целая команда, дорогого стоит, свидетельствуя о наличии людей, готовых следовать за этим руководителем. К сожалению, для некоторых глав РЗУ более характерна обратная тенденция, связанная с бегством сотрудников.

Людской материал

В Бельгии мне впервые пришлось вплотную заниматься кадровыми вопросами. Дело оказалось увлекательным, тем более что делал я это под чутким руководством Р.О.Манова, который, как говорится, собаку съел на этом деле, для него тайн в данной сфере не существовало. Он меня учил не только премудростям, но и человеческому отношению к сотрудникам и подчиненным. Я всегда интересовался жизнью людей вне работы, но не из желания покопаться в грязном белье, а в стремлении понять, что может отвлекать человека от работы, какие у него увлечения, проблемы, радости, страхи, переживания, есть ли жены и мужья, дети, любовницы, больные родственники. Посол говорил, что всё это необходимо учитывать ровно в той мере, которая способна повлиять на рабочий процесс. Ему, например, было важно, чтобы у сотрудников в командировке не болела голова по поводу каких-то бытовых проблем. В посольстве при нём всегда имелся запас бытовой техники, закупалась мебель, менялись машины. «Если я знаю, что у человека бытовые неурядицы отсутствуют, то могу требовать полной самоотдачи на работе», – любил повторять Роман Олегович. Много раз убеждался в правоте его слов.

Посольство в Брюсселе – большая точка, где насчитывалось больше 30 дипломатических должностей и около 50 ад-

министративно-технических сотрудников. С учетом членов семей – полноценный коллектив в более чем 200 человек, в котором, как в срезе нашего общества, присутствовали все типы: умницы и откровенные дураки, трудяги и лодыри, честные и не очень, добрые и нелюдимые, трезвенники и язвенники, а также злоупотреблявшие. Со всеми приходилось работать. Р.О.Манов, как опытный кадровик, старался каждому найти своё место. Если человек не мог писать, то ему подбирался участок, подразумевавший частые контакты, если не клеилось с внешним общением, сажали за письменные задания. Это требовало дополнительных усилий, далеко не все руководители имеют склонность так пристально возиться с коллективом.

Хорошей иллюстрацией многообразия посольских типов стала ситуация с тремя водителями. Первый понимал только ругань, причем лучше в варианте нецензурной брани. Такой трёпки хватало недели на три-четыре, а потом профилактику надо было повторять. Мы с послом чередовались в приведении человека в чувства, так как подобная экзекуция, во-первых, требовала изрядного эмоционального напряжения, а во-вторых, в принципе претила в силу отсутствия природной склонности к употреблению мата в повседневной жизни. Водитель ставился пред наши светлые очи, и ему без обидняков высказывались все претензии.

- Такой ты растакой нехороший человек. Всё понял?

- Да, понял.

- По глазам вижу, что ты, редиска, ничего не понял, поэтому слушай ещё раз... трам-пам-пам... Теперь дошло?

- Теперь дошло.

- Посмотрим, на сколько хватит на сей раз.

Второй, наоборот, был личностью весьма тонкой душевной организации. Любое грубое слово могло низвергнуть его в пучину запоя или просто глубокой депрессии. Поэтому с ним разговор строился в ином ключе:

- Дорогой, что же ты такое творишь? Зачем бедокуришь?

- Так получилось.

- А ты подумал, что у тебя здесь жена работает и ребёнок-школьник? А в России ты алименты бывшей жене платишь на старшего ребёнка. Зачем всё портить?

- Виноват, исправлюсь.

- Всё бы замечательно, но доверия тебе, мой друг, увы, нет. Поэтому бери ручку и пиши заявление о прекращении командировки по собственному желанию. Мы на этот документ дату не поставим, я уберу его к себе в сейф и вытащу лишь, если ты снова начнёшь проказничать. Понял?

- Понял...

- Ступай, дорогой. Всё будет хорошо.

Чувствовал себя в таких ситуациях матерью Терезой. Зато с третьим, как в сказке, было легко: он напортачил – ты поругал человека, хорошо сделал – похвалил. Честно и ненапряжно.

Для меня показательным был и пример одного нашего

возрастного советника, который категорически не мог что-то путное написать, зато был очень душевным человеком и абсолютно феерично развлекал любых вип-гостей. В своё время он работал в Санкт-Петербурге и успел обрасти там связями на самом высоком уровне. Причём это было не просто некое шапошное знакомство, а действительно дружеские отношения с высочайшими начальниками. Надо отдать должное, советник перед нами ничуть этим не кичился, вёл себя очень скромно и вполне довольствовался своим положением. Зато, в случае необходимости, эти его полезные и высокие знакомства совершенно ненавязчиво всплывали за первые 10-15 минут разговора с очередным визитёром, и у них непременно находилась масса общих знакомых. В итоге все, даже самым сложным гостям крайне льстило, что ими лично занимался столько неординарный и душевный человек.

Или другой пример. Работал у меня сотрудник, для которого написать «уголок» или служебную записку из трех строк было сущей каторгой, он мог заниматься этим заданием целый день, испытывая невыносимые муки творчества. Зато оказался совершенно неподражаем в добывании документов, списков, циркуляров, справок, канцтоваров, компьютерной техники, организации ремонта и т.д. Он являлся в канцелярию и мигом очаровывал сотрудниц, звонил в любое ведомство и убалтывал их, лишь бы самому что-то не писать. Я его называл завхозом с диппаспортом. Такие лю-

ди тоже нужны в коллективе. Каждому можно найти место, на котором он сможет в наибольшей степени проявить свои таланты.

За шесть лет командировки через мои руки прошли сотни сотрудников, я написал бессчётное количество характеристик, в моём кабинете ругались, плакали, выясняли отношения и угрожали, умоляли, радовались, жаловались на жизнь, смеялись, кляузничали на коллег. Потрясающая школа жизни во всём её многообразии и безобразии. Буду откровенен, не все ситуации вдохновляли на подвиги, скорее из меня постепенно вымывалась вера в людей, в добро, искренность и честность, я переставал верить их обещаниям, клятвам и слезам. К счастью, разочаровывающих элементов было меньше. Посольство – это общность в большинстве своём людей достойных, порядочных, честных, грамотных, искренне любящих свою работу и свою страну.

Делегации

За время командировки приходилось довольно много работать с различными делегациями. Причём речь шла не только об официальных моментах, связанных с деловыми контактами, ведением переговоров, участием в различных мероприятиях, что является делом само собой разумеющимся, а о заполнении досуга высоких гостей. В любой поездке вполне естественно должно быть место культурной составляющей. Для того чтобы достойно рассказывать о стране пребывания, необходимо самому основательно её изучить, стать опытным гидом и иметь в запасе несколько маршрутов, рассчитанных на различную целевую аудиторию и время. Я мог водить экскурсии чуть ли не по любому городу Бельгии и часами рассказывать о чём угодно. И всегда пытался убедить своих коллег в востребованности и даже обязательности наличия данного безусловно ценного навыка у любого дипломата.

Работа с делегациями – это совершенно особенный, весьма творческий жанр, которому не научат в институте, в полной мере раскрывающий различные таланты человека, требующий самоотдачи, любознательности, артистизма и порой чуть ли не энциклопедических знаний.

Однажды меня вызвал посол и сказал, что к нам едет семья очень высокопоставленного и уважаемого человека. Су-

пруга была известна своими высокими критериями качества во всём и требовательностью, поэтому задание относилось к категории заведомо «расстрельных». Мне начальник без обид об этом сразу же и поведал: мол, если что-то пойдёт не так, я рискую завершить командировку на следующий день. Напутствие было «воодушевляющим», но указание есть указание.

На следующий день я взял представительский микроавтобус с нашим лучшим водителем и подал его к резиденции. Пассажиры степенно загрузились в транспорт, сели на свои места, мадам подняла на меня взгляд: «Ну, молодой человек, рассказывайте». Ехать нам предстояло в Брюгге часа полтора, и всё это время я не замолкал ни на секунду. Глава нашей небольшой делегации порой задавала уточняющие вопросы, однако они были вовсе не о погоде по маршруту следования или о мелькавших за бортом видах, а о доле тяжёлого машиностроения в экономике страны, количестве больниц федерального подчинения, политике властей в области нелегальной миграции и тому подобном. Я отбивался в меру своих сил, знаний и возможностей. Как я успел заметить, при малейшей заминке с моей стороны у слушательницы слегка поднимались вверх брови. Поэтому пришлось довольно бодро, без «пауз хезитации» нести отсебятину, облакая её в удобоваримый и благочинный вид. В ответ я видел удовлетворенное покачивание головой. В Брюгге я прибыл в изможденном состоянии и... тут же повёл на трёхчасовую экскур-

сию по городу с заходами во все тайные, скрытые от обычных туристов места. Гости остались чрезвычайно довольны. Это выразилось в том, что в Генте, куда мы прибыли на ужин, предварительно досконально обойдя все достопримечательности и этого населённого пункта, меня любезно пригласили за стол и допустили до светской беседы, уже без тестирования моих знаний о бельгийских реалиях.

На следующий день в Брюсселе я завоевал ещё несколько очков. Утром мне заявили, что главе семейства необходимо найти в подарок что-то антикварное, необычное и изящное, соответствующее возвышенному художественному вкусу. Мол, у вас тут броканты (блошиные рынки) на каждом углу, поэтому задача наилегчайшая. Доказывать, что антикварные развалы проходят только по выходным, а мы находимся в середине рабочей недели, было тщетно. Пришлось срочно искать варианты в центре города. Наиболее подходящим оказался квартал в районе площади Пти-Саблон, где мне в одной из лавочек удалось обнаружить изумительный, ажурный чернильный прибор XVIII века из малахита и позолоченной бронзы. Мало того, что предмет пришёлся по вкусу, так я ещё вспомнил африканский опыт и неплохо поторговался, значительно снизив цену, чем окончательно завоевал благосклонность наших гостей.

На следующий день я передавал их в Антверпен, поэтому вечером позвонил тогдашнему генеральному консулу, морально подготовил его к высокому визиту и тщательно про-

инструктировал относительно возможных пожеланий, выявленных предпочтений, антиквариата, шоппинга и тому подобных нюансов. Тот был безмерно благодарен.

Другой показательный случай, про который я неоднократно вспоминал впоследствии, произошел с одним из руководителей нашего Министерства, который прибыл в Брюссель для участия в одном крупном мероприятии. Мы с генконсулом в Антверпене скромно стояли в холле гостиницы после завершения утренней части программы в ожидании продолжения. В этот момент к нам подошёл посол: «Мужики, у нас образовалось «окошко» часа в три с небольшим, требуется заполнить эту паузу, как-то развлечь гостя и вернуть его в целости ко второй части». Задача оказалась непростой, так как нам поручили заботу не об обычном туристе, а о вышестоящем коллеге, который к тому же неоднократно бывал в бельгийской столице.

Иван Иванович вышел на улицу перед гостиницей, несколько снисходительно посмотрел на нас с генконсулом и сказал: «Ну что же, коллеги, попробуйте меня удивить. Хотя... я здесь и сам всё знаю». Мой товарищ по несчастью как-то сразу сник: он лишь недавно прибыл в Бельгию, поэтому города практически не знал. У меня же мысль работала лихорадочно. Чем можно угодить столь искушенному «клиенту»? Тот глядел на нас с нескрываемой тоской и даже некоторой жалостью. «Иван Иванович, а как Вы смотрите на пивной тур по Брюсселю?» Начальник воззрился на меня с

интересом: «Звучит многообещающе. Давайте попробуем». И я повёл нашу небольшую группку по всем так называемым «дырам» центра, скрытым от глаз массового туриста небольшим уютным барам «только для своих». Обнаружить большинство из этих аутентичных питейных заведений с историей в несколько веков и обязательно каким-то особым видом пива, которое подавали именно там, было непросто. В очередной раз спасибо моему предшественнику Андрэ. Иван Иванович оценил оригинальность идеи и открывшуюся ему новую грань вроде как давно знакомого города. Я же для себя сделал вывод, что страну пребывания надо изучать глубоко и всесторонне, чтобы быть готовым к подобного рода приключениям.

Порой одних только знаний не хватало и приходилось проявлять смекалку и изобретательность. Как-то раз приехал гость с чёткой установкой, что ему обязательно необходимо попробовать блюдо с угрём в каком-то определенном ресторане в Генте. Ему об этом рассказал один наш депутат. Название ресторана или хотя бы приблизительный адрес отсутствовали, мобильный интернет в те времена был развит не столь широко, поэтому задача стояла архисложная. После довольно продолжительного катания по городу и массового опроса местных рестораторов искомое блюдо было обнаружено, заказано и с аппетитом поглощено с видом на канал под бокал белого вина.

С Гентом была связана ещё одна история. Известно, что

в этом городе в соборе Святого Бавона хранится знаменитый «Гентский алтарь» авторства Хуберта и Яна ван Эйков. Созданный в XV веке шедевр действительно знаменит и почитаем далеко за пределами Бельгии. Однажды к нам пришла дочь нашего уважаемого посла, которая сама уже работала дипломатом в одном из российских посольств в Европе, и попросила свозить её полюбоваться на это чудо церковного искусства. Я был рад способствовать удовлетворению столь возвышенной просьбы и легко домчал её до места назначения. Девушка вошла в помещение и буквально обмерла, оцепенев от нахлынувших эмоций и увиденного великолепия. Было приятно наблюдать со стороны за столь благодарной реакцией, за благоговейностью подобного отношения к живописи и истории. Человек очевидно испытывал истинное наслаждение от соприкосновения с чем-то подлинно прекрасным. Стало даже немного завидно от того, что сам, увы, едва ли способен на такую глубину чувств как в силу определенной эмоциональной скованности, так и недостатка художественного вкуса, образования и воспитания. Подумалось, что я был бы, наверное, счастлив, если бы мои дочери выросли не менее одухотворенными и духовно богатыми людьми. Я раза три медленно обошел алтарь, внимательно изучил все 24 панели и 258 изображенных на них человеческих фигуры, прочитал имевшиеся экспликации, изучил всю непростую историю шедевра, сделал ещё несколько проходов. Девушка продолжала замороженно стоять и впитывать в

себя... Не знаю, что она в себя впитывала, но продолжалось это часа три, которые я уже не знал куда себя девать, изучил вдоль и поперёк алтарь, весь собор, башню, соборную площадь, все брошюры в сувенирном ларьке, пересчитал свечи, кресты, иконы и скульптуры. Всё-таки даже высокое искусство должно быть в меру. И сделал вывод, что виной всему моя быдловатость и недостаток внутренней культуры. От осознания данного факта стало совсем немного стыдно, но затем это чувство быстро прошло. В любом случае смотреть на «Гентский алтарь» я больше ни разу не заходил.

Было бы заблуждением считать, что работа с делегациями подразумевает лишь нечто культурно-возвышенное. На самом деле гораздо чаще приходилось ездить в поисках пива, шоколада, сувениров, одежды. За шоколадом с моей лёгкой руки все посольские стали ездить на фабрику «Нёйхаус», поставщика королевского двора, входящего в число наиболее узнаваемых бельгийских шоколадных брендов. Сначала мы с руководителем экономической группы посольства организовали туда экскурсию для сотрудников, посмотрели на уникальное производство, а затем освоили магазинчик при нём. Там продавалась продукция прямо с конвейера в больших килограммовых коробках. Конфеты не только наисвежайшие, но их ещё и можно на месте все продегустировать, что особенно импонировало гостям. Кого я только туда не таскал!

Как-то к нам приехал легендарный личный фотограф Ми-

нистра Эдуард Иосифович Песов. У него был юбилей, в ознаменование которого мы организовали личную выставку его фоторабот в Российском центре науки и культуры в Брюсселе. Фотографии прибыли спецбортом Министра в виде красивых инсталляций из плексигласса каждая весом до 10 кг. Поняв, что под такой тяжестью штатные крепежи в Центре просто рухнут, пришлось срочно изготавливать порядка 30 пюпитров собственного дизайна, так как приобрести в Брюсселе такое количество уже готовых было нереально. Мы с инженером закупили необходимые материалы, наша инженерная группа за ночь всё смастерила, и утром мы смонтировали выставку, открытие которой прошло весьма успешно при большом скоплении народа. Модель оказалась столь удачной, что этими подставками потом пользовались много лет.

Но задача оказалась сущей безделицей по сравнению с другой поставленной целью. Эдуард Иосифович, с которым я был хорошо знаком, признался, что у него, человека очень модного и даже щеголеватого, давно не получалось найти пиджак определенного оттенка небесно-синего цвета. Предмет его мечтаний мне удалось обнаружить в универмаге на главной торговой улице Брюсселя. Вещь села на Песова как влитая, его счастьем не было предела. С тех пор он при каждой нашей встрече вспоминал мне ту покупку и хвастался, что регулярно красуется в ней по торжественным случаям.

Иногда, правда, не удавалось ни блеснуть информацией

о стране, ни удивить познаниями магазинов или умением торговаться. Некоторые гости ошибочно видят в дипломатах лишь переводчика или водителя. Таким, например, оказался один наш известный пианист, который не только не счёл нужным хотя бы вежливо поздороваться, но и относился как к таксисту. Итогом такого хамства стало то, что после первой поездки он передвигался исключительно при помощи настоящих таксистов. Правила протокола, этикета и вежливости никто не отменял.

Немало пришлось поработать на визитах Президента и Премьер-министра Российской Федерации. Для меня всё это было необычным, так как в Сенегале делегаций было минимум, уровень совершенно другой, поэтому опыт отсутствовал напрочь. Правда, когда появилась информация о приезде главы нашего государства после довольно длительного перерыва, и всех сотрудников посольства и двух постпредств собрали в одном актовом зале, выяснилось, что представление об организации визитов на высшем уровне имеют единицы. Так что учились необходимым премудростям всем объединённым коллективом.

Мне всегда выпадало работать с пресс-службами. Из очевидных плюсов – это было насыщенно и интересно и выливалось в большое количество новых контактов, сохранившихся на годы. Некоторые сложности тоже наличествовали, однако о них и о путях их мужественного преодоления, недосыпе, нервозности и прочих мелочах я быстро забывал.

Имевшийся после Сенегала дефицит делегационной работы в Бельгии я восполнил с лихвой и уже не чувствовал себя ущербным в этом плане, меня сложно было в этой сфере чем-то напугать. Венцом же моего опыта «офицера связи» (так в протоколе называют людей, работающих с делегациями) стал бейдж, который я получил в один из саммитов ЕС для прохода в очередную зону для передачи каких-то материалов для делегации, на котором было написано «Georgy Kuznetsov, chauffeur» (перевод, полагаю, в данном случае излишен). Рядом с моим именем была нарисована дымящаяся чашка, даровавшая право на бесплатный кофе. И почему я в своё время обиделся на пианиста?

Мальчик

Дело было в 2011 году. У посольства возникла идея в ознаменование 50-летия полёта в космос Юрия Гагарина нарядить в скафандр знаменитый символ Брюсселя – Писающего мальчика. Цель благая, повод достойный. Начали выяснять, как это сделать. Оказалось, что всё весьма непросто. Во-первых, необходимо подобрать дату, проводя соответствующее решение через ассоциацию «Друзей Писающего мальчика», смахивающих на группу сектантов. А там, по бельгийской традиции, всё расписано на пару лет вперёд. Российских дипломатов такими мелочами смутить сложно, поэтому мы уговорили членов ассоциации, что всем вместе просто необходимо отметить юбилей первого полёта человека в космос и бесцеремонно «отжали» нужную нам дату – 12 апреля. Сделали мы это столь виртуозно и стремительно, что «Друзья» даже осознать этого не успели.

Второй затык оказался сложнее. Выяснилось, что изготовить костюм – дело хлопотное, дорогостоящее и долгое. Последнее обстоятельство представлялось самым проблематичным, ввиду того, что сама идея, как водится, родилась за считанные дни до события. Существуют специальные лекала и особые технические требования к костюму. Кроме того, далеко не каждому позволено преподносить мальчику такие подарки. Особая форма современного идолопоклон-

ничества, не иначе. «Чёртовы сектанты!» – вновь подумали мы про себя. Однако печалиться времени не было, поэтому напряглись и вспомнили, что в музее Маннекена-Писа (так в Бельгии называется мальчик) на Гран-Плас, где хранятся сотни вещей из его обширного гардероба, есть скафандр, специально изготовленный в 2003 году на российском НПО «Энергия» из настоящих космических тканей. Его подарили во время посещения Брюсселя российские космонавты Сергей Зелётин, Юрий Лончаков и Александр Лазуткин в честь совместного полёта на Международную космическую станцию с бельгийцем Франком де Винне.

Обратились в музей, который без промедления дал своё согласие «выгулять» костюмчик. Вопрос с нарядом был решён. Остальное казалось делом техники: предупредили основные организации российских соотечественников, проинформировали о мероприятии прессу, сделали анонсы в посольских соцсетях.

В назначенное время от музея Писающего мальчика на радость многочисленным туристам двинулась яркая процессия во главе с руководителями ассоциации «Друзей», обвешанных какими-то медалями и лентами, несколько человек несли над головами то ли флаги, то ли церковные хоругви, далее следовал небольшой духовой оркестр, надрывно исполнявший некие в меру бравурные мелодии трудноулавливаемой жанровой принадлежности. Следом вышагивали представители мэрии, руководство посольства и, как принято писать

в казённых бумагах, «иные официальные лица». Колоритно смотрелись представительницы «Союза татар Бельгии» в национальных костюмах.

Дошли до мальчика, произнесли положенные случаю пламенные речи, подчеркнули важность всемерного развития двустороннего сотрудничества во всех мыслимых и немыслимых областях, а особенно, с учётом отмечавшейся даты, в космической сфере. Складывалось стойкое ощущение, что через пару десятков лет всё космическое пространство будет заполнено исключительно российскими, бельгийскими,

на самый крайний случай совместными российско-бельгийскими космическими аппаратами. Любому дипломату порой свойственно выступать в стиле незабвенного Остапа Бендера.

Вволю нафотографировались, попозировали на камеры телевизионщиков, раздали интервью прессе, побратались, татары что-то спели и немного потанцевали, «Друзьям» за труды и в честь праздника презентовали несколько бутылок водки. Разошлись все неимоверно довольные друг другом. Очередное мероприятие успешно завершено.

Однако, как показывает практика, расслабляться никогда нельзя. На следующий день нам прилетает жуткий нагоняй из Москвы: вы что там себе позволяете? Посол в искреннем недоумении. Чем мы могли прогневать Центр? Меж тем буря усиливается, вовлекая в круговерт нарастающего скандала всё более и более высокопоставленных начальников. При этом никто нам толком не может прояснить причину подобной реакции. Наконец, из очередного телефонного разговора посол выясняет, что первоисточником возмущения стал некий депутат, который прочитал сообщение про нашу церемонию и выразил своё негодование, увидев в этом неуважение к памяти Гагарина, принижение достижений российской космической отрасли и даже вопиющее оскорбление России. Мол, на нас в прямом смысле слова писают, а посольство молчит и никак на это не реагирует. Когда же ему сказали, что посольство не просто молчит, а ещё и являлось инициа-

тором и организатором всего произошедшего, человек вообще рассвирепел и грозил самыми печальными последствиями всем причастным к произошедшей вакханалии. Звучавшие в оправдание тезисы о многовековых традициях, большой чести, которой удостаиваются лишь избранные, о местных особенностях менталитета не имели равным счётом никакого эффекта, гром продолжал греметь. И тогда мы нашли аргумент, который в одночасье успокоил бурю. Пресс-секретарь посольства вспомнил, что сам Гагарин положил начало традиции перед полётом мочиться на переднее правое колесо автобуса, который привозит космонавтов на стартовый комплекс на Байконуре. Мол, чем не аллюзия на это священнодействие на бельгийской земле? Где ещё в мире можно столь изящно напомнить о сокровенном для каждого отечественного космонавта моменте? Удивительно, но именно этот довод имел решающее значение, и со словами «Что же вы сразу об этом не сказали?» от нас отстали, никого не уволив.

Виконт де Винне

В предыдущей главе я мельком упомянул о Франке де Винне. Между тем этот человек достоин отдельного повествования.

Это бельгийский космонавт, представитель Европейского космического агентства, второй бельгиец, побывавший в космосе (первым стал Дирк Фримаут в далёком 1992 году на борту американского многоразового корабля «Атлантис»). Уроженец Гента, представитель знатного рода, обладатель титула виконта, кадровый военный лётчик, дослужившийся до высокого звания бригадного генерала. За сухими фактами биографии скрывается невероятно очаровательный, тихий и скромный, очень душевный и жизнерадостный человек, с которым посчастливилось довольно плотно общаться в связи с его работой и в рамках мероприятий, посвященных полёту Юрия Гагарина, и также других акций посольства и Российского центра науки и культуры в Брюсселе.

Первый свой полет Де Винне совершил в октябре-ноябре 2002 года в качестве бортинженера корабля «Союз ТМА-1». Тогда он налетал без малого 11 суток. Я же познакомился с ним по случаю второго полёта в мае 2009 года на аппарате «Союз ТМА-15». К бельгийцу было приковано большое внимание СМИ ввиду того, что он стал первым представителем не России и не США, ставшим командиром экипажа.

До него такой чести никто не удостоивался. На Землю Франк вернулся в декабре 2009 года. Все 187 суток его пребывания на космической орбите про него и заодно про российскую космонавтику очень много писали, причём в позитивном ключе, в бельгийской прессе.

За долгие месяцы его полёта я настолько заочно сроднился с Де Винне, прочитав и обработав десятки статей о нём, что, когда впервые увидел его живьём, бросился как к старому знакомому, немало его этим смутив и даже слегка испугав, ибо меня он, естественно, не знал. Благо в этот момент рядом находилась его жена Лена, с которой мы успели познакомиться, пока супруг пребывал на орбите.

Все иностранцы перед полётом на российских космических кораблях проходят подготовку в Центре подготовки космонавтов имени Ю.А.Гагарина в Звёздном городке. Там в обязательную программу входит изучение русского языка. Не знаю, на каком уровне покорители космоса обязаны владеть нашим языком, но в случае с Де Винне он оказался довольно высоким. Подозреваю, что основной причиной стали не занятия в Звёздном, а интенсив от его супруги, чрезвычайно активной, деятельной и хваткой дамы. Она, подобно вечному двигателю, без усталости генерировала какие-то идеи и множила интересные инициативы, стремясь максимально монетизировать достижения мужа, которому какая-либо коммерческая составляющая была откровенно чужда. Елена Львовна (хотя, если честно, по отчеству никто никогда к

ней не обращался, она сама, на западный манер, предпочитала представляться просто Леной), москвичка с паспортами Бельгии и Нидерландов, уехавшая за рубеж в 1993 году со своим первым мужем-британцем, выступала в роли агента Франка, поэтому именно к ней мы обращались, если хотели вытащить её мужа на какое-то наше мероприятие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.